

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2013 | ноябрь
интеллектуальный
диалог



ГЕНПЛАН: РЕАЛЬНО ИЗМЕНИТ ГОРОД или в очередной раз ляжет на полку? ● стр. 2-28

УЛУЧШЕНИЯ, КАК СНЕЖНЫЙ КОМ

Николай Дядечкин:

● стр. 4

«Любой город давит на человека, способствует появлению хронической усталости. И нужно противостоять ему позитивными факторами. Даже самые, казалось бы, незначительные, они расцвечивают городскую среду не хуже, чем масштабные перестройки целых микрорайонов. Если рядом с вашим домом не будет луж и всегда будет гореть фонарь во дворе, вы уже будете чувствовать себя комфортнее».

ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ НУЖНО БОЛЬШЕ

Михаил Шубский:

● стр. 8

«Одно время в воздухе витала идея создания Суриков-центра. Идея мне лично симпатична и вполне в духе времени. Там не только Василий Иванович Суриков и его творчество могут быть представлены, но и современные художественные традиции».

ЛИЦО ТАТЫШЕВА

Алексей Мякота:

● стр. 12

«Обращаясь к острову, я понимал, что главное здесь — природный ландшафт. Моя задача лишь выявить, подчеркнуть его качества. Во всём мире именно такой подход давно считается высшим пилотажем ландшафтного дизайна».

«Несмотря на то, что вокруг Красноярска — тайга, внутри города всегда был низкий процент озеленения. Сегодня у нас около 5,5 кв. метров на человека зелёных насаждений. Эту норму необходимо увеличивать, сохранив при этом существующие зелёные зоны. Это, в первую очередь, острова. Их ни в коем случае нельзя застраивать. Например, в администрацию был представлен проект застройки острова Молокова. Картинки были красивые, но это была бы градостроительная ошибка. На сегодняшний день проект запрещён».

Эдхам АКБУЛАТОВ —
о миссии города, опережающем развитии
и реалистичности

● стр. 14-15

Когда сосед под вашими окнами два часа прогревает машину — он же не виноват, что бензин делают таким вонючим; а гараж далеко, да и удобнее так — машина у подъезда.

Когда вы торопитесь, а впереди огромная пробка, потому что два автомобиля друг друга задели и перекрыли движение, — они ведь тоже торопились, а дороги такие узкие.

Когда после сильного дождя вы переходите улицу по щиколотку в грязной воде, а на вас любимые туфли, — что поделывать, это такой форс-мажор.

Когда вы наступаете на собачий «сюрприз» — владелец пса ведь ни при чём; ну нет поблизости площадок для выгула животных!

Когда на месте чахленького сквера, где тем не менее ваш ребёнок катался на велике, построили ресторан и клуб — это ведь красиво; а гулять можно и на набережной, до неё всего-то полчаса на автобусе.

На самом деле жизнь в городе — это такой общественный договор, в соответствии с которым каждый должен бы думать: а устраивает ли то, что удобно ему, окружающих? И если нет — то хотя бы немного притормозить и поискать приемлемый вариант.

Иначе рано или поздно город, вместо того, чтобы подмигивать вам светом фонарей, приветствовать скрябанием метлы раннего дворника, занимать рассказом свинцовой воды у великой реки, раскрывать объятия своих улиц, — вместо всего этого город возьмёт вас за горло. И неизвестно, как долго сможете вы не дышать.

Сейчас разрабатывается новый генплан города. Это тоже своего рода общественный договор, по которому будут решать: где строить дома, а где садить деревья; где гнать на машине, а где идти пешком. И мы думаем, вы проявите к этому интерес.

В ожидании генерального плана

Найдётся ли в городской жизни хоть один аспект, который бы никакого отношения не имел к генеральному плану? По большому счёту, закреплённые в нём решения, где напрямую, а где опосредованно влияют буквально на всё — на наше здоровье, нашу безопасность, возможность учиться, работать и зарабатывать, растить детей, отдыхать. Он формирует наше настоящее и будущее. А в определённом смысле и прошлое.

Тем не менее, для абсолютного большинства генплан остаётся некой абстракцией. К тому же дорогостоящей абстракцией, вызывающей большие сомнения — а так ли он необходим? Сейчас, когда разработка нового генплана Красноярска только началась, самое время поговорить с людьми, которые, что называется, «в теме».

Аркадий СУПОНИЦКИЙ, председатель правления Красноярской организации Союза архитекторов России

Нужен ли не нужен генплан? Такая постановка вопроса равнозначна выбору «дышать или не дышать». Генплан — основной документ муниципалитета. Чему должны подчиняться бизнес, застройщики? А власть из чего должна исходить, что-то разрешая или запрещая? Понятно, что необходим какой-то принцип взаимодействия всех тех, кто развивает город, кто живёт на его территории.



Но есть другой вопрос, на мой взгляд, вполне правомерный, а потому требующий ответа. А почему именно сегодня надо начинать заниматься разработкой генплана? Ныне действующий генплан рассчитан до 2021 года. Однако есть несколько причин, по которым эту работу затягивать больше нельзя.

Первая из них порождена стремительным развитием города в последнее десятилетие, когда инвестиции в строительство были просто огромны. В какой-то степени возможности действующего генплана оказались уже исчерпанными. Сейчас жилищное строительство идёт в некотором противоречии с ним.

Вторая причина — комплексная транспортная схема и всё, что касается транспорта, по генплану реализовывалось недостаточно точно. Не построено ни одной многоуровневой развязки, не выдержана ни одна категория основных улиц. Вообще, что касается транспорта, генплан, к со-

жалению, не имеет силу закона. Допустим, нарисована в нём дорога. Но там же не говорится, что должна быть многоуровневая развязка. А значит, можно и восемь светофоров поставить. Вот вам и «пропускная способность». Миллиарды вложены, а толку?

Третья причина стала особенно актуальна в последние годы, когда начался стремительный вывод промышленных территорий и их распродажа. А такие масштабы не были предусмотрены. Конечно, что-то было и в действующем, да и в предыдущем генплане. Например, предполагался вынос нефтебазы, графитной фабрики и т.д.

Сегодня выводятся из промышленного оборота огромнейшие территории. А что дальше? Там остаются сотни собственников. И эти собственники уже пишут свои бизнес-планы.

А с другой стороны, куда денутся производства? Или мы вообще нигде работать не будем?

Единственно, чего я не понимаю — это сроки. Можно ли за два года выполнить такую сложнейшую работу? И выполнить качественно, с учётом того, что документ, созданный на деньги налогоплательщиков, прослужит долго.

И здесь закономерен вопрос: а что в действующем генплане было правильно, а от чего надо отказаться и в какую сторону идти? Если говорить о направлении, то сразу вспоминается агломерация, проект которой до сих пор лежит на согласовании в мини-

стерстве регионального развития. Не готовы и другие необходимые документы. Так стоит ли торопиться?

Константин ШУМОВ, главный архитектор Красноярского края

Сегодня Красноярский край имеет полный пакет актуализированных документов территориального планирования. Исключение составляет один лишь Красноярск. Все попытки убедить прежнее руководство города в необходимости обновить генплан ни к чему не привели. Как и попытки наладить взаимодействие с соседями. Когда началась работа над проектом Красноярской агломерации, дальше протоколов о намерениях дело не пошло. В результате получился некий бублик — вокруг всё спроектировали, а в центре оказалась дыра в виде территории с устаревшим основополагающим документом.



И вот наконец-то принято решение о корректировке генплана. Однако отсутствие в предыдущие годы планомерной работы по координации разработки документов территориального планирования спрессовало сроки до предела. Тем не менее, есть реальная возможность справиться с задачей. Для этого необходимо организовать систему управления проектом, создав группу по техническому сопровождению разработки генплана из наделённых персональной ответственностью представителей городской администрации.

Помимо обеспечения информационного наполнения разделов генплана (а информационная база таких документов сложна и объёмна) эти представители должны будут обеспечить взаимодействие с коллегами в краевом правительстве. Почему это важно? Согласно регламенту проект генплана должен быть рассмотрен всеми правительственными структурами. А значит взаимодействие, начатое на ранних этапах проектирования, позволит более оперативно решать вопросы при согласовании. К тому же Красноярск — город-миллионник, будущая столица Универсиады, обладатель памятников истории и культуры. То есть неизбежны согласования и на федеральном уровне.

Кстати, во многом осложняет работу над генпланом отсутствие утверждённого проекта охранных зон памятников истории и культуры. Этот документ, выполненный по заказу министерства культуры края, длительное время подвергался корректировке, связанной с изменением нормативов в области охраны памятников. И пока не ясно, насколько его последняя редакция соответствует представлениям города и разработчиков генплана. Утверждение проекта приостановлено из-за определённых разногласий в понимании вопроса городом и краем. Требуется выработка единого подхода к документу, от которого во многом будут зависеть принимаемые планировочные решения.

Город сегодня не имеет и нормативов градостроительного проектирования, отвечающих настоящему времени. Если корректировать генплан в их отсутствии, то в основу лягут нормативы советского периода. На примере парковок, создаваемых по этим нормативам, можно понять, насколько всё это серьёзно.

Так что процесс корректировки генплана и корректировки краевых и городских нормативов будет идти параллельно. И это ещё один повод для координации усилий.

Координации требует и вопрос агломерации. Все входящие в неё муниципальные образования сегодня имеют утверждённые документы территориального планирования. Вот только в них практически не учтены перспективы развития ядра — Красноярска. В результате записанное в генплане решение вынести промышленные площадки повисает в воздухе. Куда вынести?

Есть и другие моменты. Очевидно, что если бы процесс разработки основополагающих документов шёл в рамках агломерационного процесса, то не было бы сегодня сломано столько копий при поиске места под новое городское кладбище.

Таким образом, аспектов, усложняющих работу, более чем достаточно. А потому надо срочно организовывать группу, которая будет работать по каждому из них. Убеждён, что это должен быть формализованный орган с персональной, подчёркиваю, персональной ответственностью каждого. Только тогда можно будет рассчитывать на достижение желаемого результата в отведённые сроки.

**Алексей МЯКОТА,
руководитель архитектурной
мастерской «АДМ»**

На градостроительном совете, посвящённом началу работы над генпланом, было выдвинуто предложение по дополнению его очень важным для Красноярска разделом. Предложение обосновано уникальностью нашего природного ландшафта, который требует особых подходов к формированию городского пространства. Подходов, позволяющих избежать того неприятного диссонанса, который всё чаще бьёт в глаза, — диссонанса между природным величием и безликой, монотонной застройкой.

Как нам преодолевать эту ситуацию? Решение подсказала сама природа, обнажив скальные породы на вершинах гор, подступающих к Красноярску. Да и предки преподали хороший урок, поставив на Караульной горе маленькую часовенку. И закрепили этим небольшим акцентом огромное пространство, доказав, что и скромный объект, но поставленный в согласии с ландшафтом, может веками оставаться доминантой.

К сожалению, этот урок нами усвоен плохо — этажность растёт, но выразительности городу не добавляет. Откуда же берётся понимание, где какая этажность уместна? А ниоткуда! Этажность возникает без всякого понимания, исходя лишь из претензий бизнеса.

**У нас есть только один
оберегаемый ландшафт
— часовня. Здесь все со-
гласны — высокие дома
рядом строить нельзя. А
вот дальше — пожалуй-
ста. Но кто-нибудь анали-
зировал это самое «даль-
ше»? Вот и появляются
так называемые акцен-
ты, раздражающие сво-
ей неуместностью и не-
уклонным стремлением
размножиться в погоне за
квадратными метрами.**

Взять Студенческий городок. Огромный стилобат, на котором он покоится, подхваченный тремя высотками, на мой взгляд, выглядел эффектно, композиционно целостно. Но вот появляется четвёртая высотка... Уже и не знаю, чем всё это закончится.

Считаю, что пора в рамках Союза архитекторов выполнить работу, позволяющую служить неким регламентом для определения этажности в каждой обозначенной генпланом зоне. И в определении этих самых акцентов, которые, перекликаясь между собой и со своими природными собратьями, создадут целостное, гармоничное пространство. Уже сегодня необходимо обеспечить взаимодействие с разработчиками генплана, разработать методологию, позволяющую создать модель, которая может ими использоваться. И тогда генплан будет насыщен той самой внутренней, идентичной идеологией, без которой не может быть комфортного, эстетически привлекательного, интересного всем города.

Всё это в мировой практике давно известно. Методики для разработки

подобных моделей существуют. Существуют и города, использующие эти модели. Например, Сиэтл. Связав воедино искусственный и природный ландшафт, этот город получил совершенно уникальные качества и достоинства.

Почему бы и нам не попытаться? У нас есть великолепный природный ландшафт, есть архитектурное и экспертное сообщество, есть, наконец, федеральный университет с его учёными и студентами, способными провести соответствующий анализ. Иницировав такую работу среди горожан можно получить очень интересные решения, связанные с какими-то моментами, не известными архитекторам. Например, историческими. Работа по созданию такой экспертной группы уже идёт. В неё войдут представители науки, культуры, бизнеса, представители разных профессиональных сообществ.

**Ольга СМIRHOVA, главный
архитектор компании
«Сады Семирамиды»**

В связи с началом работы над генпланом было заявлено, что город должен стать компактным. Конечно, как архитектор я понимаю, что МОЖЕТ подразумеваться под словом «компактный». Но понимаю, и что БУДЕТ подразумеваться. Когда строится город — это одно, а когда «квадратные метры» — совсем другое. В этом случае слово «компактный» автоматически переводится как «плотный».



Вид на город с высоты птичьего полёта, фото Валерия БЕКЕШИНА

Такого рода компактность мы наблюдаем уже давно. Местами, конечно. Кое-что осталось неизменным. Это массивы погребов у многоквартирных жилых домов, напоминающие убогие погосты. Это гаражные кооперативы счастливых, умудрившихся в автомобильно-стерильные советские времена обзавестись «Жигулями». Это и бараки с удобствами во дворе, которые на Копылова только сейчас начинают сносить.

В то же время давно застроено Ястынское поле и прочие безлюдные ещё вчера полярно-горькие пространства. И застроены так «компактно», что школу для микрорайона Пашенный придётся строить на острове Отдыха. И строить с крытым переходом через протоку. А как иначе — дети! Во что обойдётся городу эта так своеобразно понимаемая бизнесом «компактность»?

Бывая в Нью-Йорке, всегда поражаюсь солнцу, стоящему днём прямо над головой и заливающим собой каньоны улиц, заставленных небо-

скрёбами. Сороковая параллель! У нас же зимой многоэтажный дом на Красной Армии даже в полдень затеняет первый этаж дома на Копылова, что ближе к улице Киренского. А ведь между ними достаточно широкая полоса. А всё потому, что живём мы на 56-й параллели северной широты. И это нельзя не учитывать.

**Как-то я решила посмотре-
треть, как живут люди
на нашей параллели, где
солнце низко. Оказалось,
в Скандинавии, в Кана-
де повсеместно на нашей
широте люди расселяют-
ся свободнее, этажность
меньше. Как уж у них
там с отоплением и про-
чим, на что у нас ссылают-
ся, доказывая неизбеж-
ность плотной застройки,
не знаю. Знаю только, что
деньги там считать умеют.**

Высокая плотность только в Хельсинки и Стокгольме. Но и там жилые дома имеют, как правило, не больше пяти этажей. К тому же Хельсинки считается чуть ли не самой зелёной европейской столицей. Вот эти города можно смело назвать компактными. Назвать их плотными не повернётся язык — настолько они комфортны. А всё потому, что скандинавы хорошо знают, к каким печальным последствиям ведёт некомфортная городская среда и, в частности, нехватка

оркестра, способного её исполнить в соответствии с замыслом автора и к полному удовольствию публики. Самое главное, с чего надо начинать, — это создать такие механизмы. У нас же пока есть только механизм для написания партитуры. Но и здесь задача. Что будем сочинять? Симфонию? Концерт для фортепиано с оркестром? Город формируется исходя из миссии. А у Красноярска какая миссия? Какие у него приоритеты?

Мне кажется, что не только архитекторы, но и вся интеллектуальная городская элита должна сообща осмыслить, куда идём, раз уж решили обновить генплан. Тем более, что согласно действующему законодательству его придётся выносить на обсуждение общественности. Правда, я плохо представляю, как это будет выглядеть. Далеко не каждый архитектор может сходу разобраться в таком сложном документе. Обычно архитекторы с ним и не сталкиваются. Максимум, что используется в работе, — это градостроительный план, который готовится по каждой отдельной площадке департаментом градостроительства.

Надо сказать, что вообще-то существует и другой, более доступный непосвящённому инструмент. Это мастер-план. В чём разница? Во-первых, в форме подачи. Он может считываться любым специалистом — архитектором, чиновником, журналистом.

**Прелесть мастер-
плана ещё и в том, что в
нём прописываются неко-
торые архитектурные
характеристики. Генплан
же это не регламентиру-
ет — процент застройки
определяется правилами
землепользования.**

При этом делается некая «вилка» — при каждой этажности используется определённый коэффициент. Конкретный застройщик может выбирать этажность самостоятельно — 5 этажей, или 25. Выбор понятен. Мастер-план такой выбор ограничивает.

Но, к сожалению, идея мастер-плана (возможно не случайно) у нас в России дискредитирована после разработки генплана Перми. Так что будем обсуждать генплан. Возвращаясь к музыкальным ассоциациям, приходится признать, что мало у нас найдётся ценителей музыки, способных, заглянув в партитуру, воскликнуть: «Ах, какая красота!». А потому, думаю, роль «Красноярскграждан-проекта», имеющего в наличии грамотных «музыкантов», должна быть значительно серьёзней, нежели та, что ему сегодня отведена в работе над генпланом. Ведь при его реализации потребуются мониторинг. Надо будет отслеживать, как мероприятия этого генплана будут воздействовать на городскую ткань, какие процессы при этом запускаются. Генплан надо будет корректировать, адаптировать к меняющимся условиям. Иначе на каком-то этапе он станет бесполезен, а то и вреден.

Остаётся добавить, что предоставляемое нам законом право обсуждать такой важнейший документ, как генеральный план, требует и от нас некоторых усилий. И даёт шанс городскому интеллектуальному сообществу проявить активность, сплотившись вокруг идеи формирования комфортного, безопасного и эстетичного городского пространства.

Галина ДМИТРИЕВА

**Евгений ЗЫКОВ,
руководитель архитектурной
мастерской «Тектоника»**



На мой взгляд, самая главная проблема генплана — это отсутствие механизмов его реализации. Мы имеем партитуру, но не имеем

Мифы и заблуждения о выгоде

Что разрывает ткань города? Будем ли мы, по примеру европейцев, жить в лофтах? Для чего в Красноярске построят третий пешеходный мост?

Старший преподаватель кафедры градостроительства Института архитектуры и дизайна СФУ и архитектор проектной мастерской А2 Николай ДЯДЕЧКИН отвечает на все вопросы. Но будьте готовы к тому, что общение с ним разбивает вдребезги большинство представлений о городском пространстве, казавшихся непреложными аксиомами.



Оказывается, чем больше площадь двора, тем может быть хуже для жильцов. Расширение улиц способствует увеличению пробок. А при среднеэтажном строительстве количество квартир на одинаковых участках застройки больше, чем при многоэтажном.

Когда все чужие

— Николай, почему в разных районах Красноярска так по-разному чувствуешь себя? Где-то уютно и безопасно, а где-то, как, например, в Северном — довольно тревожно.

— На нас воздействует городское пространство. Мы можем не отдавать себе в этом отчёт, но окружающая среда может способствовать неврозам, а может, наоборот, помочь расслабиться. И, если разобраться, достигается это довольно понятными и простыми методами. Вот где вы чувствуете себя комфортно?

— В центре.

— Да, часто можно услышать, что исторический центр гораздо комфортнее, чем современная застройка. Почему? Ведь вряд ли раньше при проектировании беспокоились о душевном равновесии, о том, чтобы человеку было комфортно в пространстве улиц.

Наш центр характеризуется квартальной застройкой с определённым шагом квартала, или так называемой куртины — так раньше называли улицы, поперечные основным. Такая квартальная сетка города появилась при Екатерине II сразу во всей России. До этого момента застройка была хаотичной, города разрастались, как тесто. Но однажды в соответствии с общемировыми тенденциями перехода на регулярную планировку по всем губерниям разлетелись указы о необходимости подготовки проектной документации. Благодаря этому у нас очень чётко квартально расчерчен центр города вплоть до Николаевки, где тогда был лес.

Такой тип застройки позволяет человеку лучше осознавать границы пространственно и психологически. Здания образуют почти герметичное внутреннее пространство, дворы компактные и не проходные, входы — через несколько арок, причём обязательно закрывать их воротами с замком, достаточно самой пространственной структурой, чтобы люди чувствовали ответственность за эту территорию. Кварталы небольшие, поэтому нет необходимости идти

через двор, проще обойти снаружи. Люди, живущие и работающие внутри квартала, чувствуют, что вот этот дворик наш, а дальше — улица, большой мир. Как правило, плотность населения здесь меньше, все друг друга знают. Внутри все свои, снаружи — чужаки. И вы, гуляя по центру, знаете, что где-то внутри есть дворы, а в них — своя жизнь, и крайне редко проходите кварталы насквозь.

Что же происходит в Северном? Там микрорайонная застройка: огромные пространства дворов, высокие длинные дома. Там мы ходим все и везде, свои и чужие вперемешку. Пытаемся срезать сквозь дворы, обойти здания. И несмотря на то, что дворы в Северном значительно больше, рамки зоны комфорта для каждого отдельного человека сужены в несколько раз в сравнении с жителем центра. Тут уже не то что дворовая территория, даже подъезд многоэтажного жилого дома не воспринимается как личное пространство. Моё — это квартира, подъезд — нейтральная территория, а двор — уже чужая.

Но микрорайоны тоже разные. В конце 60-х годов прошлого века они были относительно небольшими, а в 70-х разрослись до макро. В СССР очень любили такие районы — почти города. Как у нас Солнечный.

— А что вы скажете о правом берегу?

— Он разный. Например, зона улицы Вавилова по пространственной структуре близка историческому центру. А вот сразу за железной дорогой, которая очень сильно разрывает городскую ткань, — на улицах Щорса, Павлова — микрорайонный тип организации пространства, большие дворы и совсем другая атмосфера.

Откройте улицам глаза

— Казалось бы, чем больше пространства, тем лучше...

— Да, в общественном сознании довольно много заблуждений относительно городской среды. Например, многие хотят, чтобы между жилыми домами был лес. Вышел из подъезда, тут же прыгнул на лыжи — и кататься. Красота! Казалось бы. Но в каком районе Красноярска это возможно? В Академгородке. А где чаще всего появляются сообщения о нападении маньяков? Там же. Потому что там очень сложно создать границу своего и чужого.

Есть такой термин в урбанистике «глаза улицы» — это определённая сигнальная система, при которой появление чужака на территории становится сразу очевидно. Вот у некоторых есть дачи в тупиках, где все друг друга знают. Если там проезжает

чужая машина, все обращают внимание — вроде и ничего страшного, но голова сама собой поднимается посмотреть, к кому и куда приехал чужак. Вот это — глаза улицы.

Если же люди привыкли, что их двор проходной, вокруг всегда чужаки, то и контроль сильно притупляется. А когда на улице происходит что-то недоброе, люди просто закрывают окна. Чужаков не станут защищать, что бы ни происходило.

Кстати, на Западе в принципе нет культуры двора в том понимании, как привыкли мы. Там хороший дом в престижном районе может быть вообще без двора, а его функции выполняют публичные пространства: улицы, парки, скверы. Правда, все эти площадки всегда — в шаговой доступности.

— А вот эти под странными углами стоящие, будто спроектированные нетрезвым человеком, группы жилых зданий на улицах Курчатова или Крупской в Октябрьском районе — это что за явление?

— Это решение проблем рельефа. Застройка в Октябрьском районе микрорайонная, а вот рельеф сложный, холмистый. В сочетании с градостроительными нормами, которые диктуют определённое расположение и повороты зданий, он и определил рисунок района.

Солнце — в пределах норм

— О каких нормах идёт речь?

— Например, инсоляции. Россия — одна из немногих стран, где в градостроительном кодексе есть жёсткие требования: в наших широтах два с половиной часа солнца должно быть ежедневно в любой квартире.



Солнце должно быть в каждой квартире

— А сегодня новые дома тоже возводятся с учётом таких норм? И даже пресловутая точечная застройка в центре?

— Уверен, что да, максимум, одну-две квартиры в здании проектировщики могли просмотреть. Так что тут точечная застройка не виновата. Другое дело, что при такой застройке иногда нарушается право собственности жителей многоквартирных домов на придомовые территории. А жильцы вовремя не бьют тревогу, поскольку не воспринимают двор как собственность.

— Какими бы ни были нормы, сибиряки всегда страдали от дефицита солнца, таков уж наш климат. Быть может, имеет смысл сделать в общественных местах имитаторы солнечного света?

— Есть разные способы. В Скандинавии, где тоже хронический дефицит солнца, на любой улице с первого взгляда можно определить солнеч-

ную сторону даже ночью — именно там сконцентрированы все кафе, магазинчики, даже пешеходная часть шире. Вся организация улицы направлена на то, чтобы люди больше времени проводили на солнце.

В Швейцарии много деревень, где часть года солнце просто не появляется. И местное самоуправление решило на вершине окрестных гор установить систему огромных зеркал, усиливающих слабые солнечные лучи и направляющих их на деревни. Строго говоря, тепла и света от этого больше не стало, но ощущение того, что о тебе заботятся, преломляясь в сознании жителей, превратилось в какой-то массив счастья, и это счастье помогает им пережить зиму. Здесь работает психологический фактор. Так же, как в стрит-арте, например.

От яркого граффити на серых домах пользы, вроде, ноль, а настроение поднимается. И это может привести к эффекту снежного кома: радость, которая появляется в человеке, он распространит на своих сослуживцев и домашних.

Любой город давит на человека, способствует появлению хронической усталости. И нужно противостоять ему позитивными факторами. Даже самые, казалось бы, незначительные, они расцветивают городскую среду не хуже, чем масштабные перестройки целых микрорайонов. Если рядом с вашим домом не будет луж и всегда будет гореть фонарь во дворе, вы уже будете чувствовать себя комфортнее.

— На Западе уже отказались от микрорайонной застройки...

— Потому что там умеют считать деньги. И перед тем, как начать массово использовать любой приём, будут долго просчитывать его экономическую выгоду и т.д. Такие исследования 1940-1950-х гг. продемонстрировали большие минусы микрорайонной системы. Об этом можно прочитать в работе Джейн ДЖЕКОБС «Жизнь и смерть больших американских городов», ставшей своеобразной библией для урбанистов. Единичные попытки реализовать такую форму городского пространства в США были неуспешны, районы довольно скоро превратились в гетто.

Пора менять систему!

— Какой тип застройки сейчас доминирует в Европе?

— Там нет единого метода, но основные тенденции — это ограничение высотности и плотности. Концепция «каждому человеку — свой дом на земле» вылилась в разнообразие видов городского жилья, которое для нас привычнее за городом. Например, в центре можно увидеть городскую виллу — дом на земле, но без угодий и садов. Или таун-хаус — квартиру на земле, перевёрнутую вертикально, что позволяет иметь больше комнат на небольшом, а значит, и недорогом, земельном участке.

— Но дешевле ведь купить квартиру в многоэтажном доме, чем на земле!

— Ещё один миф! Казалось бы: больше квартир — больше прибыль.

и удобстве

Но любой проектировщик вам скажет, что чем выше этаж, тем большее расстояние между зданиями необходимо делать. Простые математические расчёты покажут, что рациональнее построить здания в 3-5 этажей. Тогда на участках одинаковой площади при среднеэтажной застройке квартир может выйти больше. Конечно, на маленьком участке эффективнее поставить один высокий дом. Но чем больше участок, тем больше преимуществ у среднеэтажной застройки.

— Почему же у нас строят одни высотки?

— Это выгодно строительным компаниям. Последние полвека строительная индустрия работала на высокое домостроение. Чтобы перейти на строительство 3-5-этажных домов, нужно изменить всю строительную систему страны. В Сибири же всё осложняется ещё и климатическими особенностями: из-за промерзания почвы у нас должны быть мощные фундаменты. А стоимость фундамента многоэтажки в процентном отношении к стоимости всего здания — ниже, чем у малоэтажного здания. И это лишь один из факторов.

Но до сих пор эти серьёзные вопросы — и о большем экономическом эффекте среднеэтажного строительства, и о негуманности микрорайонной застройки — у нас не поднимаются.

При этом необязательно сносить микрорайонную застройку. Моя коллега Ирина ФЕДЧЕНКО, исследующая этот тип организации городского пространства, уверена, что при определённых изменениях микрорайонов в них может стать уютно и комфортно, она верит в их будущее.

— Так почему бы не попробовать эти предложения на каком-то из строящихся микрорайонов?

— К сожалению, у нас люди не привыкли принимать долгосрочные решения.

Проблема транспортной перегруженности Красноярска тоже требует именно системных изменений — вероятно, поэтому в ближайшие годы она вряд ли будет решена. У нас ведь люди передвигаются по городу челночным бегом: из своей чистенькой квартиры максимально быстро стараются попасть в свою машину — и дальше: офис-авто-магазин-автодом. А есть ли во дворе или на улицах города лужи, нам в кондиционированных салонах наших автомобилей уже неважно. Почему в России сегодня автомобилями покупается больше, чем где-либо в мире? Потому что на наших улицах неприятно находиться. В нашем общественном транспорте невозможно передвигаться.

— При нашем климате передвигаться без автомобиля зимой опасно для здоровья...

— А почему бы нам не поставить, по примеру скандинавских стран, тёплые остановки? Потому что каждая мелочь у нас требует менять систему! Эта идея повлечёт пересмотр системы движения общественного транспорта. Отапливаемые остановки рассчитаны на семь-восемь человек, и в Скандинавии они не бывают переполненными. А теперь припомните, сколько нервно ожидающих свой автобус в 8 утра на вашей остановке?

Дело в том, что у нас система магистральных автобусных маршрутов, то есть проходящих через весь город, и на каждый мы покупаем билет. А в Европе системы оплаты бывают разные, в том числе и по времени, и по расстоянию. Например, билет продаётся не на маршрут, а на определённый промежуток времени, и действует он на всех видах транспорта. Маршруты автобусов там достаточно короткие, зато ходят они чаще (а водители больше отдыхают). Таким образом, на остановке ты садишься в первый подошедший автобус — с тем, чтобы вскоре пересечь.

Транспортное кольцо разрежет город

— Николай, велосипедные дорожки в городе когда-нибудь появятся?

— Очень на это надеюсь. Вы даже не представляете, насколько это серьёзный фактор снижения трафика в тёплое время года. Год назад мы в нашей мастерской подготовили проект, в котором предлагали построить магистральную велодорожку, соединяющую Северный и центр города через остров Татышев. Помните разрушенный пешеходный мост из Зе-

увеличить количество автомобилей, одновременно находящихся на дороге, и в гораздо меньшей степени — пропускную способность этой дороги. То есть, расширяя дороги, мы увеличиваем время простоя автомобилей и создаём гарантированные пробки. Если это не хай-вэй.

Между улицей и хай-вэем есть принципиальная разница. Строить хай-вэй внутри улицы нельзя. Это место, где можно ехать с довольно хорошей скоростью, не ограниченной светофорами и пешеходными переходами. При такой системе даже незначительное расширение может быть эффективным. Но лишь только появляются светофоры, переходы или даже пересечения со второстепенными улицами в районе жилой застройки, значительно меняется скорость передвижения, и система начинает сбивать. Причём не только в этих конкретных местах, но на всём протяжении.

У нас же планируют построить транспортное кольцо, почти 70% которого пройдёт по улицам города. И мы получим сразу несколько серьёзных проблем. Во-первых, трафик усугубится, поскольку светофоры на протяжении этого кольца всё равно будут, от этого не уйти. А во-вторых,



На маленьком участке эффективнее поставить один высокий дом. Но чем больше участок, тем больше преимуществ у среднеэтажной застройки.

лёной Роши на Татышев? Есть планы его восстановления, кроме того, ещё один такой мост мы предложили построить напротив отеля «Марриотт». Это предложение одобрено властями, оно есть в планах Гражданпроекта. То есть через несколько лет в Красноярске вместе с существующим сегодня Виноградовским будут три пешеходных моста, соединяющих левый берег и остров Татышев. И тогда летом на Татышеве велосипедисты будут не просто кататься, а целенаправленно передвигаться по собственной дороге, разгрузив автодороги.

— А что делать жителям других районов?

— Мы предложили этот проект как пилотный, самый простой и самый дешёвый. Давайте посмотрим, как он будет реализован. Но вообще, вы понимаете, что для того, чтобы сделать велодорожки, нужно сузить автодороги? Да на любых общественных слушаниях нас закопают тут же. При этом, что тут мы имеем дело с очередным мифом: есть серьёзные, математически обоснованные исследования, результаты которых доказывают, что увеличение ширины автодороги на 2-3 полосы позволяет значительно

поскольку улицы будут превращать в дороги, их максимально изолируют от пешеходной части, например, с помощью шумоизоляционных экранов, которые уже сегодня можно увидеть на улице Мичурина. Это разрыв ткани города, это неоправданная сегрегация людей, живущих по разным сторонам этих улиц-дорог. Представьте: есть какой-то район города, со своей инфраструктурой, налаженными социальными связями. И вдруг его разделяют на две части, которые, возможно, соединят надземными переходами, но доступность противоположной стороны улицы уменьшится в разы. И если раньше вы в любой момент могли, условно говоря, сбежать в булочную через дорогу от дома или забежать к приятелю поблизости, то теперь ваши предпочтения изменятся. Либо аварийность повысится, поскольку самые смелые будут пытаться всё равно перебраться через дорогу в привычном месте. И в таких ДТП будут виноваты не нарушители, а те, кто эти улицы-дороги утвердил.

Даже если удастся всё сделать идеально: убрать светофоры и переходы, выровнять ширину дороги по всей длине и частично решить проблему

транспортной перегруженности города, вряд ли кто-то сегодня сможет рассчитать, какой урон нанесут городу разрывы его ткани и ломка социальных связей.

— А что может скреплять ткань города, делать его уютнее?

— Общественные пространства: парки, скверы. То, что у нас пока в зачаточном состоянии. Один из немногих позитивных примеров — остров Татышев: там была создана инфраструктура, и люди потянулись. Летом даже в будни на острове катались на велосипедах и роликах, просто гуляли десятки людей. А когда-то мало кто верил, что это возможно.

Здесь речь идёт уже не о благоустройстве, а о создании определённого механизма отдыха, досуга. Секрет живого пятна в городе — это постоянное присутствие там человека. Если в любое время дня люди смогут удовлетворять разные потребности на такой площадке, будь это кафе, прокат велосипедов или лекторий, она станет эффективным общественным пространством. У нас же большинство потенциальных общественных площадок — это пока набор из дорожек, деревьев, скамеек и фонтана, пустующий большую часть суток.

— В этом году в нашем Центральном парке отменили хотя бы входную плату, и там снова появились прогуливающиеся. Но хочется парков, подобных сегодняшнему ЦПК им. Горького в Москве, где каждый может найти себе интересную площадку в любое время суток, а аттракционы вовсе не главенствуют.

— У нас, к сожалению, гораздо более медленные в сравнении с Москвой реакции на общемировые тенденции. И не в последнюю очередь — из-за финансов, как это ни банально. У Москвы есть финансовые подушки безопасности, которые позволяют выделять средства на какие-то нестандартные решения, эксперименты. У нас их нет... Хотя наши студенты ежегодно предлагают интересные идеи для того же парка, других общественных площадок, но реализуется мизер.

— А когда в Красноярске появятся лофты?

— Подозреваю, нескоро. Да, вынос неэффективных производств из города и деление освободившихся территорий новой жизнью — одна из мощных тенденций, заданных Европой. Там массово переделывают промзоны, практически их не перестраивая, в жилые или торгово-развлекательные комплексы, так называемые лофты. Жилые лофты в России почти невозможны из-за существующих строительных норм. С развлекательными центрами проще, в Москве примеры этого феномена — «Красный Октябрь», «Винзавод»; такие креативные бизнес-центры, культурные или развлекательные площадки, предполагающие довольно большой финансовый оборот.

В Красноярске пока подобного рода проекты — на уровне обсуждений. Было несколько интересных идей по поводу бывшей фабрики «Шелен», даже появились инвесторы, но так ни к чему пока не пришли.

Для нас привычнее подход — всё снести и заново отстроить. Пример — «Южный берег», возникший на месте судостроительного завода. Там очистили часть заводской территории, возвели жилой комплекс. То же ожидает и завод комбайнов: практически всё пойдёт под снос.

(Окончание на стр. 9)

Красноярск спасут конфликты

Тот, кто вырос в Сибири, почти всегда решает для себя вопрос: уехать или остаться. Как этот выбор связан с планированием города — об этом мы говорили с Еленой ЧЕРНОВОЙ, руководителем лаборатории социологии градостроительства РосНИПИУрбанистики. Именно этот петербургский институт в рамках подготовки нового генплана проводит социологическое исследование, цель которого — социальное обоснование проекта.

— Елена Борисовна, для чего новому генплану понадобились социологи?

— Для того чтобы у генплана действительно появилось новое качество. Сегодня в генпланах социум, горожанин учитывается как «население». Это статистическая абстракция, конструкция «минимума жизни» (термин Л. МАМФОРДА). В индустриальную эпоху она сыграла положительную роль. Ведь во времена ГУЛАГа человек вообще был неисчерпаемым «возобновляемым» ресурсом, о воспроизводстве которого не заботились. Но в 60-е годы людей на стройки социализма понадобилось привлекать уже с помощью идеологических или экономических средств. И в условиях тотального дефицита обещание минимума жилищной и социально-бытовой обеспеченности стало эффективным мобилизационным фактором.

Период перестройки в нашей стране совпал со сломом индустриального экономического уклада. Но российские проектировщики продолжали проектировать в прежнем подходе и неожиданно столкнулись с «градостроительными бунтами»: жители восставали против любых проектов, связанных с изменением городской среды. «Население всегда против» — такой диагноз поставили градостроители. Наша лаборатория была создана внутри «проектного цеха» именно для того, чтобы разрешать градостроительные конфликты.

Но мы сделали другой вывод — «населения» уже нет. Проектная деятельность не адекватна новому состоянию социума. Работая в реальных проектах, мы пошагово создавали новые элементы технологии, которые позволяют перейти от планирования для «населения» к планированию для социума и вместе с социумом конкретного города. Эти технологии мы готовы применить при разработке генплана Красноярска.

— А генпланы городов сегодня воплощаются в жизнь? Старый красноярский, кажется, так и остался на бумаге...

— Заказчики на генпланы — управленцы — в подавляющем большинстве мыслят в рамках индустриальной парадигмы: стране нужна промышленность, рабочие места, а если на улицах пробки, давайте строить магистрали. То есть люди, которые в обществе должны отвечать за развитие, воспроизводят прошлое. На Западе подход уже давно иной. Согласно ему стоит уйти от концепции города для движения к концепции города для человека.

В Красноярске администрация города решила, что требуется действительно новый генплан. Это означает, что не достаточно просто поменять лозунг «город для производства» на



лозунг «город для людей». Нужно так организовать процесс проектирования, чтобы подготовка генплана стала не только делом профессионалов и власти, но и делом городского сообщества.

Кто строит город? В этой роли выступает каждый горожанин. Молодой человек, который принимает решение, где ему жить — в Красноярске, Питере, Таиланде, — тоже градостроитель, потому что строит дом, заводит семью. Тезис о том, что главным градостроителем является горожанин, впервые выдвинул Кевин Линч. Поэтому предстоит задача вовлечь горожан в процесс планирования.

— Как создать генплан, который будет реалистичным и обязательным для всех?

— Нужно отказаться от планирования на основании прогноза, в котором город — это статичная расчётная модель. Признать, наконец, что будущее принципиально непрогнозируемо. Перейти к планированию в ситуации принципиально неопределённого будущего. Это можно сделать в рамках проблемно-конфликтного подхода.



Общественные слушания проекта планировки Пашенного

При таком подходе город — динамическая модель силового взаимодействия, конфликта интересов, которые формируют реальный вектор градостроительных изменений. Это позволяет отказаться ещё от одного очень удобного приёма — подмены проектных решений образцами «лучшей практики», в результате которого генплан превращается в утопию. Поясню свою мысль.

Российские города отстали от европейских лет на 50. У нас сейчас и качество среды, и проблемы, и, увы, качество градостроительных решений — на уровне 60-х годов XX века. В такой ситуации существует большой соблазн скопировать то, что сейчас есть в Лондоне, Амстердаме, Париже — и в виде концептуального решения

проблем предложить для генплана российского города. В результате получаются Нью-Васюки — нереализуемая утопия.

Кроме того, всё равно оказывается, что проектировщики скопировали уже устаревший образец. Таким образом, вместо того, чтобы с помощью генплана развивать конкретный город как уникальную совокупность ресурсов, в нём опять консервируется чужое прошлое. А проблемно-конфликтный подход позволяет спланировать шаг ближайшего развития именно для этого города, для решения его проблем.

Например, в Красноярске действуют правила землепользования и застройки (ПЗЗ). Как застройщики во всём мире используют их? Они решают задачу — какой тип проекта принесёт прибыль в рамках ПЗЗ. Как происходит у нас? Девелопер начинает проектировать от прибыли, которую хочет получить — и инициирует процедуру публичных слушаний, чтобы внести изменения в ПЗЗ, которые позволят ему получить эту прибыль.

В Красноярске я впервые наблюдаю освоение процедуры публичных слушаний застройщиками в своих целях в столь массовом масштабе.

— У нас такие алчные застройщики?

— Даже алчность может работать на общество, если частные интересы ограничены рамкой общественных целей. Тогда прибыль, которую получают застройщики, будет увеличивать капитализацию города, его градостроительную ценность. Сегодня же, за редким исключением, прибыль частного агента уменьшает градо-

квартиры». В результате инвестиции не увеличивают, а снижают совокупную капитализацию города.

Думаю, все согласятся, что качество среды наших городов уменьшается с каждым годом. Российский город — это не место для жизни. Это — место для выживания. Поэтому город покидают «молодые, энергичные, грамотные» — в перспективе, самые платёжеспособные.

Я недавно говорила с одним таким молодым красноярцем, прекрасно образованным и успешным профессионалом-проектировщиком. Вот так он передаёт ситуацию: «Красноярск — мой родной город. И до недавнего времени он действительно воспринимался родным. Но сейчас я чувствую, что начинаю его ненавидеть. Я ему не нужен, я отвержен этим городом. Если меня что-то и держит здесь, то 2-3 незастроенных ещё пространства. Когда их застроят — уже ничего не удержит».

Инвесторы должны лелеять родной город как курицу, несущую золотые яйца. Если они будут и дальше уничтожать городское пространство, кто тут останется?

— Мы говорили о привлекательных территориях, о центре. А окраины?

— Окраины застраиваются «жилищными комплексами». Это ещё одно изобретение застройщиков, под которым подразумевается плотная застройка панельными многоэтажками эконом-класса. На Западе такие панельные жилмассивы после расселения взрывают целыми кварталами! Там уже запрещено строить не только массивы, но и отдельные дома «для бедных», т.к. они быстро превращаются в гетто. А процессы геттизации едины везде.

— И каковы же долгосрочные общественные интересы для Красноярска, которые одновременно будут приняты застройщиками?

— Общественные интересы я могу так сформулировать: создавать не только «квадратные метры», но и городскую среду на территориях нового строительства. И не разрушать, а улучшать городскую среду в сложившихся районах. Городская среда — это и есть воплощённый в материале общественный интерес. Но сегодня застройщик, за редчайшим исключением, не ставит цель создания среды городской жизни.

Мне очень нравится школьный пример из учебника биологии. Кролики, завезённые в Австралию, нежные и пушистые существа, сожрали весь континент и довели положение до экологической катастрофы. Каждый из них просто хотел как следует поесть, но это привело к уничтожению всего кроличьего вида. Неважно — кролики, волки, овцы... И зверь, и человек прекрасен, если действует в рамках им самим принятых заповедей.

Сейчас при попытке сформулировать общественный интерес теоретики заходят не туда, пытаются противопоставить застройщиков-волков и жителей-овец. Для локальных ситуаций всё так, но если мы берём масштаб генплана, то общественный интерес у всех кроликов один — не так размножаться, потому что иначе погибнем. Так и застройщики должны сами сказать себе: давайте начнём регулировать процессы, ведь мы гробим ресурсы нашей деятельности на этой территории.

— Что же должны сделать социологи в рамках генплана?

— Выстроить рамки общественных ограничений на деятельность,

которые будут удерживаться всеми участниками градостроительного процесса. Иными словами, если по одному участку инвестор инициирует «публичные слушания» (увы, в данном случае я могу использовать этот термин только в кавычках) с целью внесения изменений в генплан или ПЗЗ, это для всех других должно служить сигналом того, что приватизируется общественный ресурс. Тогда заработают процессы саморегуляции. Сейчас они не действуют.

А власть, даже самая замечательная, одна не в состоянии удерживать рамки общественных интересов. Превысивший госплановский тип принятия решений можно сравнить с управлением ледоколом: включил атомный реактор и пошёл напролом. Сейчас управление городом можно сравнить с управлением яхтой. У меня был такой опыт длительного путешествия на яхте в открытом море. Яхта маленькая и хрупкая, она не может противостоять враждебным стихиям ветра, течениям. Но она может выстраивать свой курс и сохранять устойчивость, постоянно балансируя с учётом разных сил, в опоре на сопротивление враждебных стихий. Муниципальное управление тоже должно опираться на сопротивление разных сил, а не пытаться играть с бизнесом на поле торгова, как сейчас: ты мне садик построишь, в обмен я тебе выдам техусловия.

И в этом смысле Красноярску нужны градостроительные конфликты. Конфликт — это такой тип взаимодействия, который позволяет в нашей российской ситуации тотального градостроительного произвола выстроить границы между частными интересами и общегородскими ценностями для данного города. Создать локальную норму, которая станет регулятором для всех.

Сейчас в российских городах примерно такая же ситуация, как в любом садоводстве: люди соблюдают и отстаивают границы между своими собственными участками, но каждый старается ухватить кусочек общего пространства, выходит за свои границы на дорогу. В итоге в садоводствах не остаётся общественных пространств, двум машинам разъехаться невозможно.

Мы не противопоставляем «хорошие» общественные интересы «плохим» частным. Проблема в том, что люди, реализуя свои частные потребности, не зафиксировали общественные интересы.

— А как установить эти рамки общественных интересов по отношению к городскому сообществу в целом?

— Нет никакого сообщества в целом. По моей первоначальной оценке, Красноярск — это «три в одном», три разных города на одном пространстве. Первый — Красноярск индустриальный, общественные интересы которого описываются в терминах «рабочие места», «промышленность», «градообразующая база». По отношению к этому «городу в городе» нужен свой тип проектных решений.

Второй — Красноярск постиндустриальный. В нём — свои горожане, у которых свои интересы и требования к качеству городской среды.

И третий — «Вечный Красноярск», миссия которого — воспроизводить «человеческое» на этой территории: ценности, культуру, этику. «Вечный Красноярск» — место человека во Вселенной, как в стихотворении О. МАНДЕЛЬШТАМА: «...Не город Рим живёт среди веков, А место человека во вселенной...». Это «место»

сложное, состоящее из многих элементов. За каждый элемент и за их связь отвечают разные социальные и деятельностные группы горожан. То есть нужно проектировать разные городские среды под интересы и проблемы разных групп. Вот вы, журналист, наверное, к постиндустриальному сегменту относитесь.

— Я бы себя скорее к вечно-му отнесла, хотя бы по месту жительства.

— Да, есть ещё вопрос, кто к какой группе себя относит и как идентифицирует себя с местом. Кстати, когда я начала обсуждать эту модель с экспертами, они сообщили, что есть ещё доиндустриальный Красноярск, в котором люди заняты натуральным хозяйством. Т.е. у нас ещё нарисовался один тип горожанина, по отношению к которому нужно готовить проектные решения. А другой эксперт уверенно сказал, что «вечный Красноярск» — то общее, что соединяет в единство три «города», находится в основе идентичности каждого горожанина. В этом и состоит социологическая часть генплана — в выстраивании города как сложной социальной модели.

Есть ещё один актуальный аспект. Проектировщики закладывают проектную численность населения. При этом ничего не говорится о качестве этого населения. Я участвовала в одной проектной работе. «Нам нужен рывок!» — было мантрой региональной власти. А слоган молодёжи области был «Вырваться!». Какое качество городской среды нужно проектировать для молодёжи Красноярска, чтобы у неё был другой слоган? На этот вопрос тоже должен отвечать генплан. Но только молодёжь может задать специфические требования к тому, что для неё — качественная городская среда. Для этого молодёжь должна стать участником проектирования.

Сегодня нужно учитывать и миграционные процессы. В Петербурге, например, управленческие решения, принятые в индустриальной парадигме (превращение Петербурга во «второй Детройт», «амбициозные» стройки, затеянные администрацией В. МАТВИЕНКО), привели к форсированному притоку неквалифицированной рабочей силы для этих строек и производств, совершенно не нужных постиндустриальным жителям Петербурга. В итоге городской социум уже не может ассимилировать этот миграционный приток. Но его «оседлала» застройщица, которые создают гигантские переуплотнённые жилмассивы — будущие мигрантские гетто. Замкнулся порочный круг, спровоцированный неграмотным управленческим целеполаганием.

Если Красноярск «законсервируется» как индустриальный город, это будет иметь определённые последствия — население будет «вырываться», замещаясь мигрантами. Возможно, экономическим агентам, которые сейчас используют город как ресурс, всё равно, кто тут будет работать. А может, и нет. С появлением гетто города погибают, коллапсируют.

У вас пока другая ситуация с миграцией, но важно понимать, что закономерность едина: чем больше в городе принимается решений в индустриальной парадигме, тем больше в нём будет неквалифицированных мигрантов.

Таким образом, социологическая модель города — это основание для принятия сбалансированных проектных решений. Сегодня же используется маркетинговая типология, которая делит горожан на две группы:



Дворы — место общих интересов

бедных и богатых. Для бедных строятся муравейники-жилмассивы. Для богатых создаются так называемые гейт-комьюнити — сообщества закрытого типа, с высокими заборами и закрытыми дворами. Идёт деградация городской среды, которая задаётся двумя одинаково негативными процессами — геттизации и феодализации города. Листая красноярские журналы о недвижимости, можно заметить, что одним из показателей престижного жилья у нас является его закрытость. А ведь современный европейский город — это абсолютная пронцаемость!

— Да, у нас закрытый двор преподают как большую ценность.

— Люди сильно ошибаются, когда думают, что закрытый двор — это безопасно. Истина всегда в парадоксах. Что делает улицу безопасной?

— Уровень культуры жителей.

— Неверно. Не уровень образованности жителей, не полиция, а возможность появления случайных прохожих. Это не моя мысль — Джейн ДЖЕКОБС. Человек, который ночью вышел из дому и идёт по улице, чтобы купить пачку сигарет, делает эту улицу безопаснее. Если мы закрываем пространство от случайных прохожих, мы делаем его опаснее в смысле возможности совершить насилие. То же самое в жилмассивах — там ведь нет улиц.

Чем плотнее в городе сеть улиц, тем менее город оказывается затратным в плане обеспечения безопасности жителей. Мне сейчас не важно, из какого кармана идут средства на обеспечение безопасности: из общегородского бюджета или её оплачивают сами жильцы. Хотя и это значимо, так как безопасность проживания начинается напрямую зависеть от уровня доходов. Это и есть возврат к феодализму, когда продолжительность жизни зависела от дохода.

Наши города чудовищно затратны, не только в плане теплопотерь, но и в плане времени, потраченного на стояние в пробках, потери здоровья, нервного истощения и пр. Учёт этих

моментов и есть истинная экономика города.

Но сегодня в градостроительстве доминирует производственный экономизм. Это приводит к деградации городской среды, что в долговременном плане не нужно ни горожанам, ни самим экономическим агентам. Принцип баланса должен стать главным при принятии градостроительных решений. Скажем, в отношении транспорта — мы должны добиться баланса различных видов движения в городе: автомобильного, велосипедного, пешеходного, учесть интересы инвалидов. Не определять приоритеты, а найти баланс интересов разных типов движения.

— Как это сделать?

— Возьмём ситуацию в масштабе двора, где 10 автомобилистов паркуют свои автомобили в ущерб интересам остальных 90 жителей. Последние должны сказать первым: вы пересекли общественные границы. Пойти на конфликт. Нам вообще нужны конфликты.

— То есть власть должна конфликтовать с жителями, закрыв, к примеру, центр для проезда частного автотранспорта?

— Власть не сможет этого сделать до тех пор, пока не обретёт поддержку у значимой части городского сообщества, которая начнёт отстаивать это решение как общественный интерес. Численность горожан, которые хотели бы ездить на общественном транспорте по улицам, свободным от пробок, ходить по тротуарам и дышать чистым воздухом, а не выхлопными газами, больше, чем автомобилистов. А если к ним прибавить велосипедистов...

Сегодня же все расплачиваются своим временем и здоровьем за желание меньшей части пользоваться личным автомобилем. Одна группа интересов захватила всё городское пространство. Власть должна опереться на артикулированный протест другой части горожан, готовых отстаивать свои интересы.

Это не значит, что все должны отказать от автотранспорта. Это значит, что нужно найти баланс интересов. Сейчас в крупных российских городах набирает силу движение «Партизанинг» — велосипедисты начинают отвоёвывать место для своего движения. Я считаю, что это очень позитивный процесс, в отличие от деятельности дальневосточных «партизан», которые, если помните, боролись с милицией. Но механизм, запускающий и велосипедный, и криминальный «партизанинг», один — проектные и управленческие решения принимаются в пользу только одной группы. Отсутствует баланс.

В городе нет абстрактно положительного или отрицательного. Если вектора интересов сбалансированы — мы получаем улучшение качества городской среды. Если баланс потерян — городская среда деградирует. Цель нашей работы — реализовать этот принцип в генплане Красноярска.

Татьяна АЛЁШИНА

Грёзы о будущем города

Есть мнение, что по мере децентрализации городов спальные районы начнут превращаться в самодостаточные образования, со своими местами труда, отдыха, торговли. В том числе появятся новые общественно-культурные центры.

Как эту проблему видят сами деятели культуры? Мы говорим с директором Красноярского культурно-исторического музейного комплекса Михаилом ШУБСКИМ.

— Михаил Павлович, более 25 лет назад на Стрелке был построен филиал Центрального музея В.И. Ленина (ныне Красноярский музейный центр). Тогда по понятным соображениям у народа не спрашивали — надо ли его строить...

— Я думаю, если бы и спросили, то все хором ответили бы «да!» — такая уж была идеология. А я и сейчас говорю «да!» этому объекту, потому что если взять его архитектуру, то здание действительно представляет облик уже нового Красноярска, в то время как рядом строится нечто безликое, неинтересное в архитектурном смысле. В наши дни музей — крупнейшая в Сибири презентационная площадка современного искусства, формирующая креативное сообщество и культурную среду в городе и регионе. Мы заполняем вакуум, который существует на данный момент в пространстве города.

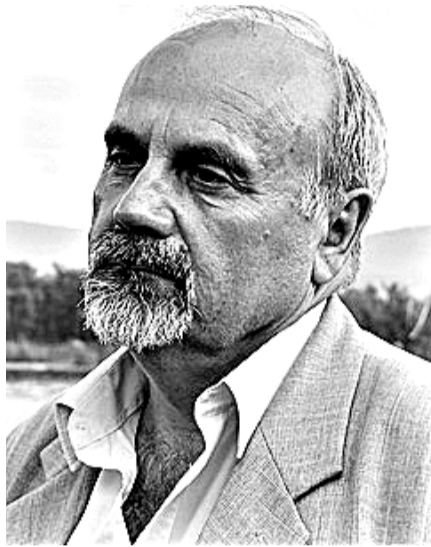
Сегодня в миллионном Красноярске мы имеем огромные автомобильные пробки, не можем спокойно погулять по центральным улицам, полюбоваться красотой Енисея... У нас посреди города течёт могучий Енисей, а как мы с ним взаимодействуем? Не имеем даже возможности выйти на берег, посидеть в беседке... Я уж не говорю о своей, как может кому-то показаться, «маниловской» мечте — когда-нибудь увидеть в своём городе музей Реки, музей под Енисеем, чтобы изучать его обитателей и привлекать внимание туристов. Подобные музеи есть и в Корее, и в Голландии.

— Вот почему голландская поговорка гласит: «Бог создал море, а голландцы — берега»...

— А взять, к примеру, Сеул — по сравнению с Сибирью там не так много земель, а посмотрите, какие огромные проспекты! Каждый музей в столице Кореи имеет огромное озеро, где плавают диковинные рыбы... Небольшая территория, но всё сделано с умом, и кажется, что ты попадаешь в сказочный мир, где весьма удобно и просторно. Ты ходишь, дышишь, любишься красотой. А сколько там фантастических парков!

В нашем крае много идей, поданных самой природой (те же Столбы), их только нужно дополнить творческой креативной мыслью, попытаться наладить диалог с этой красотой. Мы же продолжаем дистанцироваться от творчества, не понимая, что обкрадываем будущее. Кто вырастет в скучных бетонных сооружениях, где человеку нет возможности проявить себя?... Да и с точки зрения экологии наш город не назовёшь благополучным. Непонятно, что делать человеку в такой некомфортной городской среде?

— Но ведь известно, что все города в СССР застраивались по шаблону. Те же типовые серии унылых жилых домов спальных районов....



— Да, это так. Но после 90-х — уже более 20 лет прошло, кто нам мешает коренным образом что-то поменять? Я Польшу вспоминаю, Чехию, где очень много пешеходных исторических зон, где введён запрет на автомобили. Нам тоже надо менять облик города, потому что, когда он превращается в сплошную автомобильную пробку, что мы и наблюдаем сейчас, то это сигнал бедствия. Приоритетными для планирования должны быть культурные, экологические, социальные, а потом уже другие составляющие.

Нельзя превращать город в хаос — непонятное нагромождение, которое не создаёт ни образа, ни настроения, ни оригинального стиля. Хаотичная застройка 90-х годов — яркий пример того, как «лепили» городскую среду, у кого были деньги, кто был ближе к власти. Меня возмущает, что в центре Красноярска построено много торгово-развлекательных объектов, офисов, и нет парковок. Одно здание прилеплено к другому, дворов почти нет, непонятно, как туда заходить... Очень серьёзные «мелочи».

Опять приведу в пример Сеул — последний мэр сделал в городе фантастическую вещь. Когда-то посреди столицы бежал ручей, и через него были перекинуты деревянные, обыкновенной красоты мостики. Потом центр застроили современными сооружениями, и все мостики разрушили. Мэр предпринял смелый шаг: распорядился снести новые постройки и восстановить прежний исторический пейзаж с ручьём и мостиками. Сегодня центр Сеула стал зоной отдыха. На реконструкцию понадобились огромные деньги, но это того стоит! Вот образец, как творчески относиться к тому, что дала природа...

— И у нас есть попытки: реку Кача очистили и облагородили. Правда, бетонные берега — не совсем то, что хотелось бы созерцать...

— Функциональность — этого сейчас очень мало, нужно идти дальше. Я вообще предлагаю, чтобы первую скрипку играли художники и архитекторы, а потом уже вступали планировщики и строители, а у нас всё наоборот. Посмотрите на Стрелку. Тут наломали дров, и вернуться к осмысленной планировке пространства сложно. Ни Китай-город, ни высотное здание «КАТЭКНИИуголь» никак не вписываются в общую концепцию, ведь это исторический центр Красноярска!

Замечательно, что есть в этом районе вантовый пешеходный мост, ведущий через протоку Енисея на остров Татышев. Но то, что в этом районе, на набережной Енисея, хотели строить высотные гостиницы

— мне, например, кажется недоразумением... Да и кафедральный собор логичнее ставить на возвышенности, скажем, на Покровской горе.

Традиции возвращать необходимо, но делать это надо осмысленно. Власть, прежде чем принимать такие решения, должна поинтересоваться мнением красноярцев. Пока же как гражданское общество, по-моему, мы совершенно не созрели, хотя весь мир давно живёт по другим законам и по-иному относится к пространству.

Мы маниакально продолжаем строить что-то надуманное — в конечном итоге оно окажется нечеловеческим и никому не нужным. Сейчас в городе концентрируется столько проблем, такие узлы завязываются на будущее, что очень трудно потом будет развязывать... Власть должна подключить всю творческую интеллигенцию и выработать разумные подходы.

Почему мы боимся экспериментировать? Все уважающие себя города приглашают архитекторов с мировыми именами и не скупятся на суперпроекты. Хотя нашему городу до Парижа и далеко, но важно задать ему мировую планку, указать оригинальное направление развития.

Сколько уже лет краеведческий музей, построенный в начале XX века по проекту Леонида ЧЕРНЫШЁВА, радует красноярцев! «Египетский храм» является визитной карточкой краевого центра. Вот таких архитекторов бы нам побольше...

— Сейчас в городе много библиотек... Но кто их посещает?

— Библиотеки, музеи, выставочные залы — это всё культурное пространство, где человек получает информацию, отдыхает... Однако деятельность этих учреждений должна модернизироваться, обретать новую форму. Современная библиотека — это медиатека с возможностями

примеры в Красноярске уже есть. Мне очень понравилось, когда полуразрушенное помещение бывшего ночного клуба «Пилот» на улице Аэровокзальной отремонтировали и переоборудовали в муниципальный творческий молодёжный центр. Здесь собирается креативная молодёжь, люди, которые реализуют себя в новаторских художественных, дизайнерских проектах.

На правобережье (ул. Павлова, 21) в здании бывшего Дворца культуры завода «Сибтяжмаш» открылся молодёжный культурно-досуговый центр «Каменка» (мы с ним работали на музейной биеннале). Центр объединил молодых художников — новую генерацию, активно работающую в городском пространстве. Мне кажется, нечто подобное должно создаваться в каждом районе Красноярска. И, может быть, именно там и целесообразно размещать библиотеки, музеи и выставочные залы...

Сейчас время спрессованное — человек не может себе позволить ходить только в библиотеку или только в музей, его привлекает полифункциональное культурное пространство.

Жизнь нужно учиться проектировать и для молодых, и для пожилых. Это очень сложно и ответственно. Пока что власть из массы проблем выбирает одну и пытается её решать, не беря во внимание, что всё взаимосвязано. Живём по принципу: войны нет, и слава Богу...

— Михаил Павлович, Красноярск — родной город СУРИКОВА. Богатейший художественный



Амстердамская библиотека

выхода в Интернет и подключения Wi-Fi. Человек может не только здесь почитать, но и посидеть с чашечкой кофе, пообщаться с друзьями, увидеть какую-то мини-выставку, посетить поэтический вечер. Это мини-культурные центры для тусовки. На будущее такие учреждения стоит продумывать архитектурно. Они должны быть включены в современную динамичную жизнь. Город, если он не поймёт своей задачи в развитии культурной сферы — просто зачахнет...

— Есть мнение, что Красноярску необходим музей современно-го и академического искусства.

— Новый музей можно построить, а можно и перепрофилировать под него уже имеющиеся площади. Такие

фонд мастера хранится в музее его имени, но кто видит эти работы?..

— Жаль, что имея такое богатство в загашниках, мы не умеем распорядиться им как следует. В том, как высок интерес горожан к суриковской теме, мы убедились несколько лет назад, когда у себя в музейном центре на Стрелке выставляли огромное полотно «Взятие снежного городка» из фондов Русского музея. Почти 40 тысяч красноярцев посетили тогда выставку!

А ведь одно время в воздухе витала идея создания Суриков-центра. Идея мне лично симпатична и вполне в духе времени. Там не только Василий Иванович Суриков и его творчество могут быть представлены, но и современные художественные

традиции. И кстати, если вести речь о реконструкции исторической части города, то рядом с музеем В.И. Сурикова как раз есть место, где можно такой центр построить. Это было бы логично, красиво и современно. Поддерживаю эту идею обеими руками и готов помогать в её осуществлении..

— **А каким вам видится в будущем Красноярск театральный?**

— Наш город силён театральными традициями: театр драмы, оперный, музыкальный, ТЮЗ и небольшие театры, такие как «Вспышка», мим-театр «За двумя зайцами», народный «Наш театр» и др. Но этого, я считаю, мало. Переосмысление культурной деятельности должно быть комплексным и системным, в этом смысле нужно понимать, как культурная составляющая распределена по городу. Театры в основном расположены на левом берегу, а на правом — только ТЮЗ.

В то же время не надо забывать, что жизнь не стоит на месте. Кстати, недавно в нашем музейном центре режиссёр Анатолий ВАСИЛЬЕВ представлял необычное явление — пост-драматический театр. Для нас интересно всё, что касается современного искусства. Театрального пространства должно быть намного больше. Но надо понять: строить ещё один театр драмы или альтернативный, экспериментальный театр? Либо в Суриков-центре разместить театральную

площадку? Мы в своём музейном центре тоже решили создать небольшую театральную сцену...

— **Сегодня много нападков на исторические здания в центре города, особенно это проявилось в нынешнюю предвыборную кампанию, когда выступал с предвыборными речами кандидат, имеющий прямое отношение к строительству. Какова, на ваш взгляд, судьба таких объектов?**

— Опыт обращения с такими объектами может быть разным. Например, отдают культурный памятник в частные руки, но подписывают с владельцем очень жёсткий договор о том, что именно человеку разрешено в этом пространстве делать. Он обязуется содержать объект, но не имеет права лишнего гвоздя вбить, и т.д. Второй вариант — вписать памятник в современную архитектуру. Но вот как вписать — это большой вопрос.

Опять приведу в пример Сеул, где современные постройки мирно соседствуют с историческим прошлым. Идёшь по улице, и вдруг дома раздвигаются, и ты попадаешь как бы в другое столетие: небольшой дворик — уголок старинного города — музей под открытым небом. Сразу же начинаешь испытывать доверие к этому городу, который упорно пытается исторические объекты восстанавливать и сохранять.

Это не так сложно, если включена мысль... У нас мысль почему-то не всегда включена: легче выбросить, забыть, построить новое, забетонировать всё вокруг, а потом сожалеть.

Затрону ещё один важный момент. Культурная составляющая Красноярска немыслима без Центрального парка имени Горького. Сегодня он не соответствует городу и требованиям времени. Но есть пример удачного апгрейда — удивительного преобразования одноимённого парка в Москве, который сейчас отвечает европейским стандартам.

СПРАВКА

Центральный парк столицы посещают более 20 000 человек в будние и 100 000 в выходные и праздничные дни. С 2011 года парк задаёт новые стандарты, став первым парком мирового уровня в России. Бесплатный вход, Wi-fi покрытие, новые зоны, созданные в духе самых современных тенденций дизайна, продуманная программа мероприятий.

Парк Горького стал эпицентром жизни столицы. Там есть комфортные туалеты, обустроенные зимние и летние площадки с галереями скульптур, уютными беседками. Всё продумано до мелочей. А красноярский Центральный парк — это уже не XX и не XIX век,

а вообще не понять что. Грустно...

Рядом с парком, с другой стороны улицы Горького — сохранилась деревянная застройка, старинные дома. Может быть, стоит эту историческую зону объединить с парковым пространством? Вот где можно прорыв сделать, потому что во все времена парки России выполняли важную культурную миссию...

Есть ещё одна тема, которая меня сегодня тревожит. Скоро начнут застраивать территорию бывшего комбайнового завода...

Существует проект грамотной планировки этой территории, выполненный территориальным градостроительным институтом «Красноярскгражданпроект». Он учитывает потребности жителей города, связанные с отдыхом у воды. Но возможно этот проект так и останется на бумаге. По какому именно «сценарию» будет осваиваться? Предполагаю, что это будут интересы бизнеса в чистом виде. Получается, что ни о какой архитектурной и культурной составляющей можно не помышлять...

Вера КИРИЧЕНКО

òàì à áíÿ

Мифы и заблуждения о выгоде и удобстве

(Окончание. Начало на стр. 4)

Точно уцелеет только одно здание, которое находится под охраной как имеющее историческую ценность — это кирпичное здание бывшей винной монополии ещё царских времен, выполненное в стиле русского модерна.

— **Как вы считаете, где в Красноярске действительно комфортная городская среда?**

— Мне нравится пятачок в районе улицы Баумана. Это стандартный советский район: завод телевизоров, санитарно-защитная зона (в нашем случае это парк) и посёлок рабочих. Там кварталы двухэтажных домов с компактными герметичными дворами, в которых можно увидеть дворные скульптуры советских времен. Уютно, спокойно, чисто, комфортно. На правом берегу подобные кварталы есть на улице Вавилова и в районе ДК им. Первого мая. Мне нравятся эти районы, но это не значит, что я бы именно так застраивал Красноярск.

— **А как?**

— Сложный вопрос. На мой взгляд, один человек не вправе принимать решение об облике города. Нужна нормативно-правовая база, одновременно позволяющая развиваться самым разным архитектурным направлениям и задающая нижнюю планку качества жизни в наших домах. Тогда каждые 20-30 лет в городе будут появляться совершенно непохожие на всё, что было раньше, районы и кварталы, объединённые тем, что качество жизни в них всегда одинаково высокое.

Нужно создавать такую систему, при которой застройщик не был бы вынужден, но ему было бы выгодно строить красиво, комфортно, предусматривая развитую инфраструктуру.

В Европе эти факторы значительно влияют на стоимость жилья, поэтому в интересах застройщика их обеспечить. У нас ещё десять лет назад вид из окна не принимался в расчёт при покупке недвижимости.

На Западе стоимость квартиры в доме, рядом с которым нет школы, упала бы до самого минимума. У нас же она не отличается от среднерыночной, так о чём беспокоиться нашему застройщику?

Тем более, что при сегодняшнем положении дел застройщики обязаны строить лишь жильё, а социальную инфраструктуру, дороги, инженерные коммуникации, строительство детских образовательных учреждений обязан обеспечивать город. Но часто к моменту сдачи района выясняется, что в городской казне нет средств для этих целей. Так и появляются у нас районы без школ и детских садов. Системная ошибка.

Мы — по-прежнему советские

— **Есть ли свой стиль у Красноярска?**

— Пока как у всех российских городов — советский. Наши города различаются в той степени, в какой удалось сохранить архитектуру досоветского периода.

— **Но у нас же есть свои стилиобразующие элементы — фонтаны, например, или вот пешеход-**

ный мост с террасой за парком Горького, будто перенесённый из приморского города.

— Эти элементы позволяют говорить скорее о киче, но не о стиле. Кич, замечу, — это необязательно плохо. Во все времена он нравился большинству людей. Изменения последних лет в Красноярске — это влияние личного вкуса небольшой группы людей, принимающих решения, в том числе



Красноярск — город фонтанов

градоначальника. Для нашей страны это, может быть, и традиционно, но, на мой взгляд, неправильно.

Стиль города — это система, закреплённая документально, чего, повторюсь, у нас нет. Нет генерального плана, местных градостроительных норм, стратегического мастер-плана. Два года градостроительные нормы для Красноярска заказывали почему-то в Омске, но так и не приняли по не известной мне причине. И хорошо, что не приняли: они просто повторяли советские СНиПы. И пока дела обстоят так — в европейских городах мы засматриваемся на удивительные сочетания зданий, а дома многое вызывает протест и дискомфорт.

И в Красноярске, и в Лондоне исторические здания перемешаны с современными, но там за счёт чётко определённой политики муниципалитета это гармонично. У нас такой политики нет, поэтому на наших улицах хаос. Англичане решили, что им важен не стиль, а пространственные характеристики города, улицы. В их системе заданы рамки по размерам и некоторым материалам зданий. И они уверены, что при таком подходе город будет всегда выглядеть современным и разным.

В Дрездене противоположная система — там всё регламентировано до мельчайших деталей. Когда после Второй мировой войны немцы восстанавливали Дрезден, уничтоженный на 90 %, власти города прописали требования всего, вплоть до цвета и размера камушков новых строений. Они бережно восстановили исторический центр, и сегодня это прекрасно работает на туристическую сферу. А у нас много туристов?

Даже ещё проще: впечатление от дома начинается с двери. Что мы можем сказать о «двери» в наш город? Много вы слышали восторженных отзывов об аэропорте «Емельяново»? Вероятно, городские власти и не заинтересованы в увеличении потока туристов.

Но я уверен, что всё изменится. Наши проекты, пусть пока и не осуществлённые, меняют мировоззрение людей, показывают, что жить иначе — можно. Пусть сейчас нет средств для реализации проекта, но его увидели несколько человек и задумались. Другой проект — ещё десяток человек. Так постепенно меняются общественные вкусы.

Александра КАЗАНЦЕВА

Поэзия обыденности

Европейский взгляд на азиатское многоблочие

На КРЯКК-2013 – Красноярскую книжную ярмарку – приезжал Куба СНОПЕК, молодой польский архитектор-урбанист, научившийся видеть неочевидную ценность российских «черёмушек» и «хрущёвок». Там где глазу обывателя предстаёт унылое однообразие, Снопек вслед за вдохновляющими его русскими авангардистами видит красоту технократической эстетики. В кварталах, возведённых по воле Никиты Хрущёва квадратно-гнездовым методом – клонированных, дешёвых и неудобных – урбанисты усматривают поэзию «Метрополиса» Фрица ЛАНГА и новый мир замятинского романа «Мы».

Китайцы проклинали недругов пожеланием жить в эпоху перемен. Поколения советских людей были прокляты жить в домах, сделанных по лекалам, одинаковым от Бреста до Владивостока. В этих неотличимых друг от друга бетонных лесах заблудился некогда герой рязановской «Иронии судьбы». И вот сейчас на наших глазах судьба иронизирует вновь – к нам, в Сибирь, приезжает молодой продвинутый поляк, поклонник русских поэтов-авангардистов, и начинает рассказывать нам о том, что мы, оказываясь, живём в эстетически выверенном и стилистически законченном пространстве. Проще говоря, он пытается научить нас видеть в свинцовой суровости наших спальных районов определённого рода красоту и потаённый смысл.

Выступление польского архитектора предварил модератор Андрей КУРИЛКИН. Он рассказал об Институте медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», выпускником которого является Куба Снопек. Институт выпустил книгу Снопек о феномене московского микрорайона – «Беляево навсегда».

Институт «Стрелка» был создан в Москве 4 года назад. Его основная сфера интересов – городское развитие. И институт разными способами, по словам Курилкина, «пытается сделать что-то с современным российским городом»: обучает студентов, просвещает горожан, консультирует власти и большие корпорации, издаёт книги.

По большому счёту, «Стрелка» – это организация, которая занимается изменением окружающего мира. Её издательская программа преследует те же цели – попытаться понять, как устроено окружающее нас пространство, что с ним будет происходить и что сделать, чтобы всем нам было комфортно в нём существовать.

Издательство «Стрелки» выпускает как бумажные, так и электронные книги, которые ориентированы на массового современного читателя. К сегодняшнему дню вышли несколько десятков книг, изданных по-русски и по-английски, их авторы – весьма известные исследователи Григорий РЕВЗИН, Борис ГРОЙС, Владимир ПАПЕРНЫЙ и совсем молодые – такие, как Куба Снопек, которому мы и даём слово.



Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» представляет исследование урбаниста и архитектора Кубы Снопек (справа модератор Андрей Курилкин).

О том, что «Черемушки» родом из XVIII века

– Я сегодня расскажу несколько историй, связанных с книжкой «Беляево навсегда». Она сейчас вышла на английском, скоро появится на русском. Книжка посвящается сохранению типовой архитектуры через сохранение нематериального наследия. Звучит немножко сложно, но на самом деле это простая история. Около 50 лет назад во всех городах мира появились типовые здания, появилась возможность собирать дома на фабриках. До этого архитектура, в большинстве своём, была уникальна, архитектор привязывал строение к месту. И вот появились одинаковые дома...

Надо сказать, что 50 лет – это такой период, за который успевают накопиться ностальгия, и в связи с архитектурой тоже.

Возьмём московский район «Дом Гончарова». Этот первый в истории города микрорайон был построен в 1956 году. Он стал основой вообще для всех микрорайонов, которые мы можем найти и в Москве, и в Красноярске, и во Владивостоке. И сейчас появились сообщества людей, которые хотят этот микрорайон сохранить, хотя он состоит из абсолютно неуникальных серий. Я имею в виду типологические строительные серии. Там прожили уже 2-3 поколения, жили чьи-то бабушки, дедушки... Но встаёт вопрос – как это сделать? Нет таких инструментов сохранения, поскольку серия не уникальная. И этому парадоксу посвящается моя книга. То же самое и в Красноярске. До 80% города может быть такой застройки.

Что вообще такое – микрорайон? Это такая компоновка зданий, которая появилась в 60-х и, самое главное, она основана на рациональном принципе. Специалисты, которые проектировали микрорайон, не думали про композицию, про эстетическое наполнение пространства, у них была совершенно другая задача – чтобы всё это работало, чтобы повседневная жизнь в микрорайоне была удобной.

Они создавали зелёные зоны, вокруг них располагали здания, и самым главным было оптимальное соотношение между сервисами, школами, детскими садами, метро и домами. Поэтому принцип постройки микрорайона во всех советских городах одинаков, и он отличается от принципа, который в градостроительстве существовал раньше. Я вчера ходил по Красноярску и понял – здесь всё то же самое, а именно: большие дома находятся в пространстве, которое должно быть зелёной зоной. Правда, часто этой зоны нет.

Микрорайон – это мышление, которое появилось ещё в восемнадцатом веке, в эпоху Просвещения и индустриализации. В XIX веке некоторые архитекторы догадались о возможности делать некоторые элементы зданий на заводе. Интересный пример – кирпич. Кирпич существовал с давних времён, но в XIX веке немцы создали оптимальный вариант такого размера, что из него можно было делать всё, что угодно, и укладывать его абсолютно по-разному.

А в 1919 году появилось то, что изменило мир, – конвейер на фабрике Форда в США. И возможность делать типовой продукт, который следует по конвейеру, и в процессе к нему добавляются все новые элементы. Это коренным образом поменяло производство. Появилось очень много архитектурных проектов, которые предлагали постройку городов, основанных на микрорайонах.

Возьмём всем известный проект Ле КОРБЮЗЬЕ для Парижа. Ле Корбюзье предлагал избавиться от старого Парижа и на его месте построить несколько высоких бетонных башен, окружённых парками. Это была архитектурная утопия. По тем временам проект был революционным, а сегодня мы смотрим на него с ужасом.

Заказчиком проекта выступал ВУАЗЕН, промышленник, который производил машины. Он просто хотел посмотреть, как будет выглядеть будущий «город для машин». Проект был заказан и сделан, но конечно, исполнить его никто не смог. А в Советском Союзе, уже позже, совпало всё – с одной стороны, появилась подобная архитектурная идея, с другой – уже была власть, которая смогла эту идею воплотить в жизнь.

Об архитекторе-новаторе по фамилии Хрущёв

– И так получилось, что исполнителем этого проекта стал Никита ХРУЩЁВ, у которого вообще была страсть к большим проектам, например, таким, как осушение Аральского моря. Именно Хрущёв совершил архитектурную революцию.

Во время режима СТАЛИНА на человека приходилось по 5-6 кв. м жилья. И мы, конечно, понимаем, что это очень и очень мало, потому что абсолютный минимум для того, чтобы хоть как-то существовать – это 9 кв.м.

И хотя мы все считаем, что сталинская архитектура престижная, качественная и так далее, она никак не решила проблемы с жильём. Жилья было мало с приходом Сталина и стало ещё меньше после него. Потому что в это время шла мощная миграция – множество людей приезжало из деревень в города, и скорость, с которой строились сталинские дома, была недостаточной. И только Хрущёву удалось решить эту проблему. В 1954 году на Всесоюзном совещании строителей он произнёс речь, в которой обозначил вектор грядущей строительной революции.

В первую очередь он хотел повысить темпы строительства, улучшить качество жилья и одновременно понизить затраты. И в этой своей речи он решил абсолютно все вопросы. Она стала отправной точкой в истории типовых спальных районов. Эта речь, с одной стороны, представляла собой реакцию на огромный дефицит жилья, а с другой – являла собой протест против затратности и идеологизированности «сталинского ампира». Она породила совершенно новый тип архитектуры.

Именно с этого момента в СССР началось массовое строительство типовых домов. Например, серия К-7, которая была одной из первых и производилась в Москве, была очень простой. Состояла всего из 24 частей, и эти части на заводе просто складывались в дом для 60 семей за один день!

В выступлении Хрущёв весьма конкретно высказался о задачах в этой области. Прежде всего, он предложил полностью отказаться от строительства кирпичных зданий и перейти на сборку домов из готовых элементов. Перевести архитектуру на заводы. Причём собирать там не только жилые дома, но и школы, детские сады, магазины, абсолютно всё должно строиться на фабриках. Кроме того, получилось так, что повторялись стали не только серии домов, но и целые жилые кварталы, которые строились по принципу: несколько домов, между ними школа, детсад, ещё что-то. И этот квартал несколько раз копировался в данном микрорайоне.

Хрущёв выступил за повсеместный переход к стандартным проек-

там, число которых должно было быть сведено к минимуму. «Почему сейчас используется 36 типовых проектов школ? — говорил он. — Нам следует отобрать небольшое количество типовых проектов жилых домов, школ, больниц, детских садов, магазинов и других зданий».

Кроме того, Хрущёв создал институты, которые проектировали эти дома. В Москве таким стал МНИИТЭП, много лет разрабатывающий серии, согласно которым шло строительство.

Я называю эту речь «хрущёвским манифестом» по всем вопросам архитектуры. Был создан новый тип архитектора. Такого, например, как Яков БЕЛОПОЛЬСКИЙ, который в своей жизни построил 18 миллионов (!) кв. м жилья. Он застраивал Юго-Запад Москвы, и я даже не знаю, с чем это сравнить; мне кажется, никто из архитекторов, включая Оскара НИМЕЙ-ЕРА, который построил Бразилию, не создал столько квадратных метров. И ведь Белопольский практически был никому не известен. Потому что, хотя он построил так много, главным архитектором этого времени остаётся Хрущёв. Я вижу его как самого большого архитектора русского авангарда, потому что все вещи, о которых он говорил — о честной архитектуре, новой эстетике, зелёном городе — обо всем этом дискутировали ещё архитекторы 10-20-х годов.

О Пригове, бульдозерах и пустоте

— Интересным образом Хрущёв, которому так нравилась современная архитектура, не любил современное искусство. В 1962 году он пришёл на выставку в Манеже. Выставлялись абстрактные картины современного искусства. Это был манифест новой реальности. Хрущёв оказался не готов воспринять это искусство и произнёс фразу: «Всё это не нужно советскому народу!». Так советское абстрактное искусство было запрещено. Оттепель в искусстве закончилась.

После этого часть абстрактных художников решила заниматься искусством неофициально, и таким образом появилось разделение на официальных и неофициальных — художников, скульпторов, издательства, выставки. Например, самиздат Дмитрия ПРИГОВА — это было неофициальное издательство концептуального искусства.

Первая неофициальная выставка прошла в микрорайоне Беляево, в Москве, в 1974 году. Несколько художников решило использовать пустырь между домами как выставочный зал и выставить там свои концептуальные картины. Не надо было долго ждать реакции властей — выставка очень быстро была уничтожена бульдозерами. Художники предусмотрительно пригласили на эту выставку иностранных журналистов, и именно они, увидев уничтожение картин, подняли мировой скандал.

Поэтому советское правительство пошло на уступки и решило впредь на подобные перформансы так бурно не реагировать. И когда через две недели появилась выставка в районе Измайлова, власть смолчала. Таким образом бульдозерная выставка стала началом второй оттепели в искусстве. Появилась некая серая зона, в которой могли существовать свободные художники. И вот этот микрорайон Беляево, о котором я постоянно говорю, он, по сути, является местом

пересечения двух решений Хрущёва: с одной стороны, он создал подобную архитектуру, с другой, добавил некую историю, создал эту энергию, которая привела к Бульдозерной выставке. Беляево является монументом этих двух политических решений.

И в этом микрорайоне жил Дмитрий Пригов — очень интересный художник и поэт. Я не знаю, насколько он известен в Красноярске, но в Москве к нему всё больше интереса. Сейчас Эрмитаж в Петербурге купил коллекцию его выставки в Венеции, и, я думаю, через несколько лет он будет одним из самых известных русских художников. Именно он заметил, что микрорайон — это новый тип среды, совсем новый город. У него есть стихи на эту тему, написанные в 1978 году, они называются «Апофеоз милиционера».

Когда здесь на посту стоит Милиционер
Ему до Внуково простор весь открывается
На Запад и Восток глядит Милиционер
И пустота за ними открывается
И центр, где стоит Милиционер —
Взгляд на него отсюда открывается
Отсюда виден Милиционер
С Востока виден Милиционер
И с Юга виден Милиционер
И с моря виден Милиционер
И с неба виден Милиционер
И с-под земли...
да он и не скрывается

В этом стихотворении довольно сильно чувствуется атмосфера микрорайона. Пустота и повторяемость. Кроме того, что он писал про этот микрорайон, он делал для жителей экскурсии, показывал им эти серые дома-коробки и рассказывал истории, связанные с этими домами. Что и когда здесь случилось. Вот здесь жил ГРОЙС, а здесь жил Владимир СОРОКИН... И таким образом он добавлял слой значений этой скучной архитектуре.

Приговская графика — ещё один феномен. У него существуют целые серии на тему жития человека в хрущёвской коробке. Коробка при этом всегда одинаковая, но в ней всё время появляется что-то новое и неожиданное. Динозавр, например.

Пригов в этом был не единственным. Практически все художники московского концептуализма каким-то образом взаимодействовали с пространством микрорайона. Если посмотреть, например, на группу «Коллективные действия», они во всех своих перформансах использовали пустоту и пустотность как фон. Пустота присутствует везде. А это и есть имманентная черта микрорайона как архитектурной типологии.

Очень многие концептуальные художники, на самом деле, издевались над этой архитектурой. В серии работ о «типичном человеке» Виктор ПИВОВАРОВ доводит до абсурда реальные черты жизни в районе. Для своего среднестатистического «одинокого человека» он создаёт типовую квартиру, мебель, биографию, распорядок дня и даже мечты. Он практически сделал пародию на то, что сделала архитектура. Спроектировал всю жизнь этого одинокого человека.

Микрорайон навсегда!

— Я хочу сказать, что некоторые микрорайоны, хотя они кажутся скучными с архитектурной точки зрения, могут иметь очень интересное и важ-

ное культуронаполнение. И это наполнение может быть тесно связано с этой архитектурой, и многое сказать о ценности этой архитектуры.

Вот, пожалуйста, картина сада Живерни под Парижем, где жил Клод МОНЕ и другие импрессионисты. Эта деревня не очень сильно отличается от других деревень. Но импрессионисты этот сад рисовали. Они оставили его запечатлённым.

Так вот: московский микрорайон Беляево по сути ничем не отличается от Живерни. Единственное различие — это то, что Живерни кажется красивым с самого начала, это визуальное искусство. Архитектурное пространство Беляева, как и искусство концептуалистов, менее визуальное, гораздо более абстрактное и непонятное, но культуронаполнение его не менее значимо, чем у Живерни.

Моя цель сегодня — обратить внимание на новый вид архитектуры, которая не визуальна, но которая может иметь другие ценности. Я исследовал возможности её сохранения — например, можно ли сохранить такой микрорайон? Обратился в ЮНЕСКО, потому что это ведущая организация, которая занимается сохранением. У них имеются две программы: первая занимается уникальными архитектурными объектами, такими, например, как Тадж-Махал, или Санкт-Петербург, или московский Кремль. Вторая программа — нематериальное наследие. Оно вообще никак не касается архитектуры. Нематериальное наследие — это некий ритуал. Допустим, в какой-нибудь африканской деревне есть люди, которые уже несколько веков танцуют родовой танец. Но таких людей становится всё меньше. И ЮНЕСКО старается этот танец, этот ритуал сохранить.

В этом списке есть архитектурные объекты, которые находятся там по какой-то ошибке. Например, в Литве есть холм, который полностью сделан из крестов. Люди приходят туда уже несколько веков и приносят кресты. И ЮНЕСКО сохраняет не сам холм, а вот этот ритуал.

Я же в своей книге предлагаю совсем новый, смешанный тип наследия, когда культурное и материальное рассматриваются вместе, и предлагаю несколько стратегий, что можно в этом случае предпринять. Потому что предложить сохранение микрорайона — это одно, а сделать практически — совсем другое.

После окончания лекции Куба Снопек ответил на несколько вопросов «СФ».

— Вы говорили о нематериальном наследии. Возможно ли, чтобы люди специально создавали его для определённого места?

— Конечно, его можно создавать. Это совсем новый тип наследия. И для начала надо найти место, где нематериальные элементы уже существуют. Именно поэтому я выбрал этот интересный район Беляево, потому что по архитектуре он никакой, а культуры там очень много. И она связана с московским концептуализмом. Но следующий шаг — создание таких рамок, в которых культура сама по себе может развиваться, и можно её специально создавать.

— Устройство городского пространства в Сибири должно отличаться от европейского?

— Оно уже отличается, потому что

здесь совсем другие условия, связанные с погодой. Нельзя создать один и тот же город, скажем, во Франции и в Сибири. Условия жизни здесь очень отличаются от европейских.

— Получается, все различия в архитектуре сибирского города будут связаны только с погодой?

— Я думаю, только с погодой. Конечно, всегда есть некие местные культурные особенности, которые будут отличать именно этот город, но основные черты архитектуры будут присутствовать всегда. Грубо говоря, всегда будут стены, размеры, высота помещений. Эти вещи универсальны.

И люди сегодня тоже более-менее универсальны. Ну, а погода — это основное.

— В архитектуре сегодня в тренде малоэтажность, отказ от небоскрёбов. Как вы к этому относитесь?

— Да, на Западе сейчас ведётся очень оживлённая дискуссия по этому поводу. После 2001 года, когда террористы атаковали башни Торгового центра в Нью-Йорке, американцы вообще хотели отказаться от небоскрёбов, но до сих пор их всё-таки строят.

Первый аргумент за малоэтажность — боязнь терроризма. Ну, а позиция европейцев в этом вопросе: небоскрёб — это негуманно.

В Европе сейчас за основу при построении городов принята 3-5-этажная застройка, не выше. Но во всех остальных городах мира строятся высокие здания, и только европейцы считают, что это негуманно, что гораздо лучше делать низкие дома и создавать плотность другими способами. Не в высоту, а в ширину...

— Пирамидами или террасами?

— С террасами были эксперименты в восьмидесятих, но это технически сложно. В Европе считается, что гораздо лучше делать плотную, но низкую застройку, где гораздо меньше пространства между домами, чем высокую застройку с большими промежутками.

— Во многих городах мира есть специализированные кварталы: этнические, спальные, богемные, профессиональные... Как вы считаете, у этой специализации есть будущее, или все в конце концов перемешаются?

— Есть такая тенденция в архитектуре — всё перемешивать. Самая глобальная тенденция — то, что называется mix, и это касается не только архитектуры, но и пространства. Если посмотрим на Голландию, а это сейчас просто кузница прогрессивных архитекторов, то вот там как раз представлена самая лучшая архитектура, самые новейшие тенденции. И там у одного дома очень много функций. В одном жилом доме они стараются смешивать богатых и бедных, чтобы не делать гетто. Между домами стараются устроить пространство одновременно для машин, велосипедов, пешеходов — чтобы улица была для всех, а не только для машин или только для пешеходов.

Так что сейчас самая глобальная тенденция — это абсолютный mix.

Елена НИКИТИНСКАЯ

Фото Алины КОВРИГИНОЙ (NewsLab)

Там люди улыбаются друг другу

Красноярску повезло. Его общественные пространства не замыкаются рамками улиц, площадей и огромными торговыми центрами, что последние годы претендуют на первое место в списке под названием «отдых и развлечения». Природа изначально давала городу возможность, не прилагая больших усилий, использовать её в качестве территорий, стимулирующих активный отдых. Эта возможность не утрачена и сегодня. Вот только без усилий уже не обойтись. Многотысячные толпы горожан, что устремляются в погожий день в пригородные леса и, конечно, на острова, дают понять, что возможность эта будет вычерпана до дна совсем скоро, если вовремя не принять меры.

И они принимаются. На острове Татышев по заказу муниципального автономного учреждения «Дирекция спортивно-массовых мероприятий» сегодня осуществляется проект, который, без сомнения, придаст нашему городу совершенно новое качество. Автором архитектурного дизайна в этом проекте выступает Алексей МЯКОТА и команда его архитектурной мастерской «АДМ».

Алексей Дмитриевич — сам большой любитель природы и сторонник активного, если не сказать экстремального, отдыха. А потому он всегда с большой охотой берётся за проекты, особенность которых заключена в необходимости чувственно, всей кожей ощущать природный ландшафт. А ещё архитектор Мякота, как никто, умеет рассказать о своих проектах.

Лишь только выявить, лишь подчеркнуть...

— Гости, приезжающие в Красноярск, неизменно восклицают: «Вот это да! Какой у вас Енисей! Какие горы!». А немного поездив по городу, добавляют: «А какие у вас острова!».

Острова у нас и вправду удивительные. Это какое-то совсем иное, сформированное рекой пространство, отличное и от подступающих к Енисею гор, и от урбанизированных берегов, жёстко соединённых мостами. Совсем иначе соединяют эти берега зелёные летом и заснеженные зимой острова, разбивая текучую, холодную сталь Енисея.

Попадая на остров Татышев, мы оказываемся в совершенно ином ландшафте, странном своей необычностью для большого, напряжённо живущего города. Там нас окружают луга с великанами-тополями, занесённые илом и песком старицы, размытые водой овражки, высокие травы, прибрежные заросли ивняка, из которых, пугая нас, вдруг взлетает нами же испуганная утка. А высоко в небе, контролируя это безмятежное пространство, парят совершенно равнодушные к нам большие хищные птицы, высматривая зазевавшихся сусликов. Всюду выверенная, точно отлаженная самой природой гармония естественной и правильной жизни луговых трав, деревьев, насекомых, птиц и прочей населяющей остров живности.

И среди всего этого мы — сидящие на скамейках и умиротворённо со-



зерцающие; в упоении молодости и силы летящие на роликах или велосипеде; распластанные на песчаном берегу и мечтающие восхитить кого-то красотой вызолоченного солнцем тела. Все мы разные, но всем нам хорошо в этом приветливом, дружелюбном пространстве, сохраняющем видимые связи с городом, в который мы в любой момент, следуя собственной воле, можем вернуться. И эта уверенность многократно усиливает чувство комфорта, в которое мы погружаемся, попадая на остров.

Обращаясь к острову, я понимал, что главное здесь — природный ландшафт. Моя задача лишь выявить, подчеркнуть его качества. Во всём мире именно такой подход давно считается высшим пилотажем ландшафтного дизайна. Мы же только приближаемся к этому пониманию. А потому на



острове то вдруг появляются странные посадки, уместные разве что в парках регулярного стиля, то всякого рода утилитарные сооружения, необходимые по функции, но совершенно не приемлемые по форме. А ведь форма и дизайнерские приёмы в таком месте должны возникать из глубинного понимания логики ландшафта, формируемого ничем не сдерживаемой водной стихией.

Стихией, которая время от времени затапливает в половодье низины, покрытые кустарником — таким сухим, таким измученным постоянной борьбой, что кажется совершенно невозможным сделать его хоть сколько-нибудь привлекательным. Но начинаешь вычищать сухостой, и вдруг выявляются какие-то интересные группы, обладающие своим неповторимым эстетическим качеством.

Или вот глухие, подёрнутые тиной, местами совсем заросшие водоёмы. Одни из них можно почистить и углубить для катания на лодках, а другие просто засадить осокой, да и оставить жить своей жизнью, обеспечивая приют островной фауне. И вот так, где-то почистив, а где-то добавив, выявляя и сохраняя каждую ландшафтную группу, шаг за шагом создаётся пространство, наполненное простотой, спокойной красотой, надёжно защищённой широкой водной гладью от агрессии большого города.

И всё же город рядом. И тысячи утомлённых им жителей, устремляясь на остров, неизбежно нарушают этот покой. Но значит, в ландшафте должна быть выстроена такая коммуникация, которая позволит вмести этот поток, не разрушая гармонии. А для этого необходимо понять логику потока, понять устремления составляющих его людей. Куда, как и на каких скоростях они перемещаются в этом пространстве, в чём нуждаются. На эти нужды надо отреагировать какими-то объектами.

На пути к форме

Архитектура стала динамичной — сооружения сегодня могут быстро менять функции.

Если когда-то строилась ратуша, то она веками и была ратушей. Теперь же в Европе принадлежащие муниципалитетам здания строятся исходя из совершенно других, новых подходов. Помимо административных служб в них появляются и какие-то общественные пространства — зоны дискуссий, диалогов, зоны отдыха.

Потребности меняются и требуют изменений. Это проявляется не только в сугубо городских, урбанизированных пространствах, отведённых для общения. В пространствах, подобных острову Татышев, возможность адаптироваться к другим функциям тем более важна: появляются новые увлечения, новые формы отдыха. Здесь надо реагировать и на смену сезонов. И при этом всегда помнить, что в рекреационных зонах не допускается капитальное строительство.

Как подход конструкция, используемая на острове, возникла лет семь назад при работе над проектом альпийского лагеря в Ергаках. Вообще конструктивных форм всего три: совершенно простая стоично-балочная, более сложная пространственно-структурная и оболочка. Вот эти три ключевые системы могут создать любую архитектурно-объёмную форму. Задача стояла найти связь-элемент и какой-то универсальный узел. Конечно, напрашивался металл. Но захотелось всё же попробовать дерево. И выбирать надо было простейшие и недорогие решения.

И вот появляется модель с самой простой схемой защемления — совершенно лапидарная металлическая фасонка, за которую болтами цепляется дерево. Собрать из этой модели можно всё что угодно: экспозиционные модули, скамьи, беседки, урны для мусора, велосипедные парковки, пешеходные мостики, видовые террасы, ротонды — всё, вплоть до больших павильонов и эстрадных площадок. Сборно-разборная мобильная конструкция выдерживает сейсмичку в девять баллов. Конструкция облегчённая — достаточно закрутить сваи или просто поставить раму — и вот вам временные сооружения. При необходимости в каркас можно поставить и сэндвич-панель с утеплителем. А это уже тёплое помещение.

Такое размещение в пространстве сборно-разборных форм с самыми разнообразными функциями вполне согласуется с сегодняшними тенденциями. Более того, через этот конструктив идёт какая-то новая эстетика, созвучная динамизму, мобильности, необходимости быстро реагировать на изменения. Важно и то, что архитектурно-конструктивные свойства системы позволяют тактично вписаться как в урбанизированную, так и природную среду, объединить стилевым единством различные ландшафтные территории.

Но объекты должны работать в ландшафте таким образом, чтобы ни в коем случае не переключать внимание на себя.

А потому передо мной стояла задача не преобразить, а только встроиться. Было понятно, что входить сюда надо такой системой, такой конструкцией, вызывающей такие образы, которые были бы адекватны этим средовым качествам.

КОМПЛЕКСНОЕ ОБУСТРОЙСТВО ВЕЛОДОРОГИ НА О. ТАТЫШЕВ



Остров Татышев – это уникальная рекреационная территория в г. Красноярске. Благодаря своей протяженности, остров соединяет несколько районов города, потенциально представляя собой экологически привлекательный маршрут, являющийся частью рекреационного каркаса города.

Главная задача комплексного благоустройства – сформировать территорию острова так, сгруппировать услуги и высвободить пространства, оставляя целостность естественного ландшафта и сохраняя природно-рекреационную ценность.

Общая цель комплексного благоустройства острова заключается в создании эстетически, экологически и культурно-привлекательной территории, которая поощряет взаимодействие между людьми и природой, способствует формированию физического и духовного здоровья.

Все элементы благоустройства в первую очередь направлены на регулирование антропогенной нагрузки миллионного города на флору и фауну острова, при этом делая его привлекательным и доступным для жителей и гостей города.

Система малых архитектурных форм, разработанных в сборно-разборной модульной системе, является знаковым элементом острова, формируя целостно-стилевую функциональную ткань и включаясь в эстетический диалог с природой – искусственного с естественным. Система представляет собой архитектурную параметрическую гибридную ткань, объединяющую своим стилевым единством различные ландшафтные территории. Площадки оборудуются малыми архитектурными формами, состоящими из авторских конструктивно-функциональных модулей, разработанных в индивидуальном региональном стиле (информационные стенды, беседки, ротонды, скамейки, урны для мусора, велопарковки и т.п.)



Образ, созвучный пространству

Но это только узел и связь. В них ещё надо заложить какие-то культурные аспекты — художественность, стилистику, какую-то социальную образно-художественную идеологию. И вот здесь возникает следующий этап.

С одной стороны, сегодня все кричат: «Глобализация! Неважно, где ты живёшь. Ты своим творчеством пронзаешь весь мир!». Посмотришь и восхишься: «Какой профессионализм! Какая технология!».

Но всё же что-то должно быть ещё. Что заложено в культурной традиции, в истории. Это не значит, что надо в сегодняшний день тащить какие-то старые знаки. В минимализме, в самих этих простых формах, оказывается, заложен огромный пласт исторических форм, закреплённых в нашем сознании.

Когда я взялся за работу на острове, конечно, первым делом побегал туда. До этого бывал на острове редко. И вдруг увидел его совсем по-другому. Увидел все эти диалоги, эти коммуникации, этот ландшафт. А наполняющий его социум сразу всё прояснил. Просто пробил! Конечно, не понравились эти пестрые тренажёры, железяки всякие, какая-то городьба. Но всё это не разрушило особого магнетизма островного пространства. Больше всего меня поразили старые тополя. Ну, прямо космическая судьба!

И стал появляться какой-то характер, образ. Да, модель абстрактная, но из неё можно сделать всё, что угодно. Надо только найти элемент, несущий некую знаковость, созвучную этому месту. И начались ночные размышления, цапанание ручкой по бумаге... Павильоны, ротонды, скамейки... Из абстрактной конструкции стали появляться реальные объекты, имеющие какую-то архетипическую значимость — узнаваемые, понятные, принимаемые природой. Заказчик одобрил и постановил: «Пусть ставит, где хочет».

И тут возникла новая тема — «А где же захотеть?». К этому времени уже работал подрядчик, делалась дорога вдоль берега от Октябрьского моста до Стрелки. Её и предстояло обустроить. Первым делом прошу, чтобы дорогу немного отодвинули от воды — это зона для отдыха. Сам забиваю колья. Согласились — немного отодвинули. И это было первое включение в проект. Конечно, дорога отчасти соответствовала проекту планировки, выполненному институтом «Красноярскгражданпроект». Но работая в ландшафте, надо каждое дерево учитывать, надо выстраивать пространство буквально ползая по земле. Вот и пополз, находя точки для

размещения площадок, скамеек, беседок, кафе — всей этой обязательной инфраструктуры городской рекреационной зоны. Точек, которые ни в коем случае не должны были оказаться случайными. Каждая должна была иметь основательные причины для появления на ней чего-либо. А это появившееся должно было предельно тактично вписаться в природу и в функциональную логику рекреации.

Дорога уже проложена. Получилось кольцо для лыжников и велосипедистов в 15 километров. Вдоль него уже смонтированы отдельные объекты. Сделана и площадка для передачи олимпийского огня. Флагштоки, олимпийские кольца... Функция на один только раз. И здесь мы призадумались — а что же дальше? Очевидно,



что после такого события место становится знаковым. Здесь можно будет проводить разные мероприятия, например, награждать победителей корпоративных соревнований. И вот появляются небольшие постаменты, появляются полукруглые скамейки, площадка, на которой можно выступить, а при желании и сплясать. Сегодня мы всё это уже наблюдаем. И в первую очередь на детях с их непосредственной реакцией.

И не только отдых

На мой взгляд, очень важно, что в городе есть общественные пространства, позволяющие людям проявить себя, объединяясь при этом на позитивных моментах. Для меня самое страшное в нашей ментальности — пассивность. Её не удастся переломить никакими призывами. И, на мой взгляд, очень правильно, что сегодня так много внимания уделяется общественным пространствам. Ведь это не только отдых. В нём сосредоточено много разных аспектов.

Придя ещё из советского идеологизированного контекста, мы сегодня говорим о другом: не всё нормируется, общество развивается поливалентно. Сегодня нужна терпимость, диалог, дискуссия. Нужно состыковывать разные социальные группы, чтобы потом не было психологических регрессов. Находить та-

кие пространства, где люди богатые и не очень могли бы пересекаться. Общественные пространства должны как-то смягчать последствия того катастрофического расслоения, которое растаскивает нас, единый народ, на разные полюса.

Экология и здоровье — именно такая тема. И эта идея работает на острове. Там, на острове, нет никаких дисгармоний. Там сосуществуют разные диаспоры. Там люди, приехавшие на дорогах автомобилях, и те, кто приехал автобусом и зачастую не имеет возможности потратить на отдых даже самую малость. И все они, попадая в особую коммуникацию, улыбаются друг другу.

Такие общественные пространства снижают напряжённость в обществе. И это главное. В других ситуациях всё субъективно идентифицировано. «Нет, я не могу туда пойти — статус не позволяет». Или наоборот: «Нет, мне там дресс-код не пройти». А здесь ценности общие и предлагаемые условия едины для всех.

Это известные и понятные требования к общественным пространствам. Но, на мой взгляд, они должны нести и нечто другое. Они должны воздействовать на творческие начала, присущие каждому из нас, работать на активность, самовыражение. Именно из этого надо исходить, формируя такие пространства. И не важно, что они могут складываться из совершенно обычных, традиционных аспектов. Например, такая привычная вещь, как скамейка. Её можно поставить, чтобы человек просто присел и отдохнул, можно акцентировать его внимание на какой-то детали пейзажа, а можно так, что человек попадает в некую общую коммуникацию. Для меня как архитектора важно спровоцировать такие моменты. Но они, конечно, должны происходить самопроизвольно, естественно. Да, позиция архитектора должна быть социально активна и пробуждать социальную активность в других, но принуждение здесь неуместно.

О ценностях, опасностях и влюблённости

К сожалению, наша законодательная база совершенно не готова к реализации подобных проектов. Всё держится на том, что заказчик способен отстоять концепцию, что подрядчик готов за свой счёт выполнить часть необходимых работ, что все кругом, очарованные идеей проекта, помогают, идут навстречу... Конечно, замечательно, что проект находит у людей такой позитивный отклик. Но разве так должно реализовываться масштабное и важное для города

дело, способное внести в него новые краски, сделать привлекательным и, скажем прямо, более человечным?

Ценность для города такого пространства всегда была очевидна. На моей памяти к проекту обустройства острова Татышев приступали раз шесть или семь. Тем не менее, проект планировки острова был утверждён совсем недавно. «Красноярскгражданпроект» включил в него все свои прежние наработки, сделал очень чёткое функциональное зонирование. Но если проект утверждён недавно, то деловая жизнь на острове идёт давно и ещё до утверждения внесла в проект свои коррективы. В условиях, когда нет детальной схемы застройки, эти «коррективы», которыми и в будущем ничто не помешает, могут свести на нет все сегодняшние усилия. Тем более, что время от времени всплывают разные совершенно неприемлемые планы — то сторону за мостом хотят отдать бизнесу, то ещё какие-то другие, противоречащие проекту идеи... Пока заказчику удастся отстоять задуманное. Но всё основано на субъективном понимании, на способности занять жёсткую позицию. Механизмов же, на которые можно опереться, до сих пор нет. Не будет ли реализация проекта пущена на самотёк?

Возможно, необходим какой-то общественный совет, способный удерживать ситуацию. Тем более, что построить — это только половина дела. Даже здание со временем может меняться, обрстая, как корабль ракушками, всякой мишурой, искажающей первоначальный замысел. Что же говорить о проекте, реализованном на огромной территории, воплощённом в живой природной ткани — в травах, деревьях, кустарниках. Понятно, что только при правильной эксплуатации и соответствующем уходе можно будет поддерживать территорию острова в определённом проектом качестве. И что важно — в полной мере использовать потенциал, заложенный в конструктивной модели.

Говоря о потенциале, нельзя не сказать о ещё более важном моменте. Важность его для меня открыл опыт работы на острове, иногда и с лопатой в руках, общение с людьми, предлагающими свою помощь, взаимодействие с влюблённым в проект подрядчиком, с рабочими. И заключается этот момент в том, что на острове, в этом огромном светлом пространстве, городское сообщество демонстрирует своё самое привлекательное, самое человеческое лицо.

Записала
Галина ДМИТРИЕВА

Чем жив Красноярск

Мэр пообещал встретиться со студентами. Не с большой аудиторией, а с теми, кто в будущем профессионально будет заниматься развитием города. И вот эти ребята сидят у нас в редакции. «Вы приготовили свои вопросы?» — «Да, — протягивают несколько листов и извиняющимся тоном добавляют. — У нас 23 вопроса получилось». У редакции тоже вопросов — целый список, и нам приходится думать, чем пожертвовать, а о чём нужно обязательно узнать у Главы города Красноярска.

В итоге встреча с мэром Эдхамом АКБУЛАТОВЫМ вместо запланированного одного часа продлилась полтора. В ней участвовали Александр СМИРНОВ и Юлия ЛОЗИЦКАЯ, студенты выпускного курса Института архитектуры и дизайна СФУ, а также Герман ЯКОБИ — пятикурсник Юридического института СФУ. Первый вопрос предложили задать девушке, и он оказался немного «личным».

Юля: Эдхам Шукриевич, ваше отношение к городским проблемам изменилось после того, как вы заняли пост мэра?

Э.А.: Проблем в городе очень много. Самых разных. Это проблемы коммунального хозяйства, инфраструктуры, застройки, эстетики. Но основная проблема, которая существует в любом городе, в том числе и в Красноярске, — это проблема разобщённости людей по причине разного уровня качества жизни в зависимости от районов города. Красноярцы, которые живут на правом берегу, говорят, что активно развивается только центр. Людей в районе улиц Тимошенкова, Кутузова, Новая не устраивает, что у них не ведётся активного современного строительства. Красноярцы хотят, чтобы город развивался равномерно. Это острый вопрос, потому что различие в уровне жизни провоцирует массу проблем в будущем. Наша задача их минимизировать.

Александр: Вот как раз про различие районов. Будет ли в генплане города на правом берегу запланирована единая экологическая набережная, как на левом берегу?

Э.А.: Если мы посмотрим на карту города (мэр подходит к карте) — у нас практически весь берег реки недоступен для прогулок и отдыха горожан. На левом берегу есть возможность прогуляться только на участке от Центрального парка до речного вокзала. Потом ещё в районе музейного центра. И всё. На острове Татышев река также доступна не везде. Если говорить о правом берегу, то Енисей там доступен лишь в районе улицы Гладкова. Благоустройство на этом участке продолжается, существует немало споров о том, как правильно это сделать, но значительная часть экспертов сошлась на мнении, что другого решения, кроме как сделать отсыпку береговой зоны, нет. Расходы по проведению этих работ взял на себя бизнес.

На всех других участках правобережья река недоступна. Если кто-то был в районе «Южного берега», то знает — место там не приспособлено для прогулок. И такая ситуация сложилась практически вдоль всего правого берега. Это несправедливо: мы живём у великого, красивого

Енисея, а доступа к реке нет. Поэтому одной из задач генплана является формирование рекреационных зон, в том числе обеспечивающих доступность реки. Необходимо продумать план действий, который позволит не только обустроить имеющуюся набережную, но понять, как её можно развивать. Наша задача — сделать так, чтобы набережная стала эстетическим поясом города и по левому, и по правому берегу.

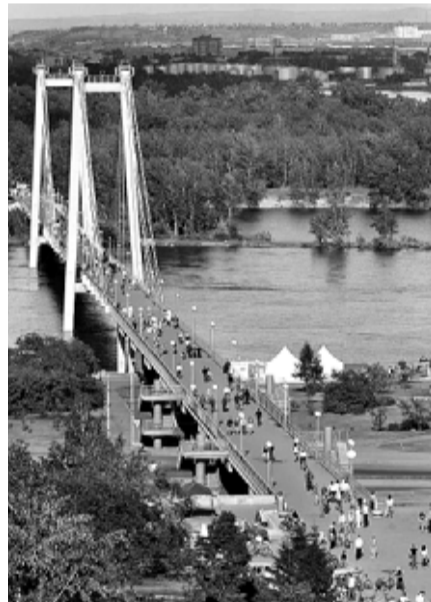
Юля: Нас учили, что генплан должен предусматривать экологический каркас города.

Э.А.: Это Валерий Иванович вас учил (КРУШЛИНСКИЙ. — ред.)?

Юля: И Валерий Иванович в том числе. Так вот, насколько мне известно, территории, которые в предыдущем плане предназначались для такого каркаса, во многих местах практически застроены. Как будут решаться эти проблемы?

Э.А.: Понятие экологического каркаса — ненормированное. Его нет в учебниках, документах, это эмоциональное восприятие среды обитания. В моём понимании нужно говорить о создании общественных пространств.

Несмотря на то, что вокруг Красноярска — тайга, внутри города всегда был низкий процент озеленения. Сегодня у нас около 5,5 кв. метров на



Красноярцы идут на о. Татышев — любимое место отдыха

человека зелёных насаждений. Эту норму необходимо увеличивать, сохранив при этом существующие зелёные зоны. Это, в первую очередь, острова. Их ни в коем случае нельзя застраивать. Например, в администрации был представлен проект застройки острова Молокова. Картинки были красивые, но это была бы градостроительная ошибка. На сегодняшний день проект запрещён. На острове Молокова будет лесопарковая зона. Точно так же будет сохранена зона всех островов.

К экологическому каркасу мы относим и строительство вот этого луча (глава вновь подходит к карте) — пешеходной зоны от нового района Красноярск-Сити (сейчас на карте это белое пятно) мимо выставочного центра «Сибирь», через сквер 400-летия Красноярска, который сейчас формируется, на остров Татышев. Это такой рукотворный каркас, который мы создаём практически заново, потому что здесь когда-то было чистое поле.

В вопросе озеленения нам нужно активно внедрять новые формы. Я был недавно в Токио, там очень высокая плотность застройки. В то же время вопрос комфортности окру-

жающей среды решён — и в немалой степени за счёт вертикального озеленения. На стенах домов, офисов созданы «зелёные лучи». Считаю, что такую практику можно развивать и у нас.

Герман: Есть представление о российских городах, что они в принципе не могут быть чистыми, такой де наш менталитет. А можно поставить фантастическую цель: сделать Красноярск самым чистым городом России? Набрать для этого ещё тысячу дворников, если надо...

Э.А.: Чистый город — это не тысячи дворников, а наша общая городская философия. Требуя чистоты, надо обратить взгляд на себя: что ты сделал, чтобы город был чистым?

Мне один мой коллега рассказывал историю, как он после длительной командировки уезжал из Германии. Решил выбросить джинсы в мусорный бак. Через 15 минут сосед пришёл и сказал: мы тебя уважаем, но у нас так не принято, этот бак не для тряпья. «Но мне надо выбросить!» — «Ничего не знаю, машина приедет — выкинешь». Человек собрал чемодан и поехал в аэропорт, думает — там выброшу. Выбросил в урну — к нему пришёл полицейский. «Если будете так себя вести, никуда не полетите, а будете арестованы». В итоге, когда он прилетел в Москву, то с удовольствием швырнул джинсы в первую попавшую урну и почувствовал себя свободным человеком!

А вот если вам предложат сортировать мусор, как это принято в Европе, вы согласитесь? Эта практика внедрена практически во всех развитых городах, которыми мы восторгаемся. Но она и заставляет человека быть дисциплинированным.

Александр: Возвращаясь к генплану. В градостроительных документах предусматривают «градостроительные узлы опережающего развития». Что это за узлы, где они разместятся и какие задачи должны решать?

Э.А.: Есть такая функция — градообразующая. Градообразующим может быть предприятие, либо местоположение, либо миссия, которая позволяет сказать, что город имеет объективную основу для существования. Так для чего существуют города? Если взять приморские города — у них курортная функция, как на Чёрном, Средиземном морях. Есть портовые города: Антверпен, Амстердам, Санкт-Петербург, Владивосток. Есть транспортные узлы — такие как Франкфурт. Есть города — деловые и административные центры, как Москва и Санкт-Петербург сейчас.

А за счёт чего будет существовать Красноярск? Объективно он не может быть туристическим городом, как, к примеру, Сочи или Анапа. Мы можем претендовать на роль мощного транспортного узла. Но для того, чтобы сформировался мощный хаб, ещё нужно время.

В моём понимании ответ напрашивается сам собой: Красноярск может существовать как производственный, промышленный город. Если мы принимаем эту миссию, мы понимаем, что город будет определяться параметрами развития тех производств, которые здесь существуют.

Сами производства должны быть экологически чистые, безопасные, высокотехнологичные, с высоким уровнем добавленной стоимости и оплаты труда. Для производств нужны кадры — значит, нужны вузы. Горожане — сотрудники предприятий и офисов — должны иметь комплекс услуг, которые предоставляет современный город (музеи, театры, картинные галереи), возможность дать своим детям хорошее образование, возможность наблюдать и поддерживать своё здоровье. И многое другое.

Следует отметить, что весь Красноярск, а его площадь 36 тыс. гектаров, не может развиваться одновременно по всему периметру. Развитие, в любом случае, будет осуществляться по районам. Например, Красноярск-Сити — большой жилой район, который уже разрабатывается совместно с японскими архитекторами. Или Николаевка. Сюда придёт 4-й мост, здесь будет вестись большое транспортное строительство. Этим надо воспользоваться: снести ветхое жильё, которое не соответствует современному городскому стандарту и порождает различия в качестве жизни, о которых я уже говорил. Территория бывшего ДОКа тоже будет застроена как комплексный микрорайон, чтобы не повторить ошибок Утинового плёса, где не оказалось места для школы.

Также зонами опережающего развития должны стать территории вокруг современных производств, которые возникнут в городе. Отмечу, что промзоны не должны быть сосредоточены в каком-то одном районе. В противном случае город, который не приспособлен для быстрого перемещения людей, будет испытывать ещё больший транспортный коллапс.

При этом современные производства не потребуют таких больших площадей, как раньше, потому что они уже более компактные, эффективные, высокотехнологичные. Это позволит вести реновацию старых промзон. У нас сегодня ими занято около 25-30% от застроенной территории города. Такого количества Красноярску не нужно, но 10-15% обязательно должны остаться, потому что это миссия нашего города. Она даёт уверенность, что в Красноярске будут жить люди, которые видят свою перспективу: здесь можно создавать семью, строить квартиру, иметь достаток.

Герман: Наблюдая какие-то изменения в городе, не покидает ощущение, что их осуществляют разные и не согласованные друг с другом команды. Одни прокладывают дороги, другие их через два месяца вскрывают, третьи размещают непонятную рекламу и т.д. Насколько согласованы действия всех ответственных лиц? И в чём проблема несогласованности — может, недостаток правовой базы?

Э.А.: Раньше город застраивался по директивам. То есть в министерстве согласовывались планы: сколько жилья построить тому или иному предприятию, сколько школ, больниц и так далее. Эта жёсткая согласованность тоже не всегда давала результаты. К примеру, у нас появилась фабрика фотобумаги «Квант» (где сейчас торговый комплекс) практически в центре города, по соседству с парком. Правильное ли это решение? Но оно было принято.

Сегодня ситуация другая — основные деньги у частного бизнеса. В Красноярске порядка 70 млрд рублей инвестиций в год, из них 90% — это частные деньги. Как согласовывать их освоение? Основой для такого согласования должен быть генплан города.



Марафон на 6 ближайших лет

В Красноярске стартовал долгожданный обратный отсчёт: до Всемирной зимней Универсиады осталось шесть лет! Но когда в Брюсселе выбирали город-столицу студенческих Игр 2019 года, обошлось без интриг, ведь мы были единственным претендентом. Поэтому ещё до официального решения заинтересованные красноярцы говорили о ней, как о деле решённом, отбрасывая со- слагательное наклонение.

Честно говоря, в таком же ключе прошла и наша беседа с Александром БЛИЗНЕВСКИМ, членом исполкома Российского студенческого спортивного союза и деканом факультета физической культуры, спорта и туризма СФУ. И в разговоре о том, каким Красноярск станет через шесть лет, как-то даже неловко было вставлять формальные «если» и «бы»...

— Александр Юрьевич, расскажите, как это было? Чем наш город пригласился жюри РССС, а чем «kozyряли» наши конкуренты при подаче заявки?

— Когда подаются заявки от городов, вначале идёт конкурс внутри страны. На этом этапе нашим главным конкурентом был Екатеринбург — достаточно серьёзный центр зимних видов спорта, вдобавок с благоприятной экономической ситуацией.

Аргументом в нашу пользу стала логистика: спортивные сооружения и деревня Универсиады будут находиться в одном месте. Это нас выгодно отличало от других. Например, в итальянском городе Тренто, где в декабре пройдёт зимняя Универсиада, гости будут жить в шести местах, что, конечно, не прибавит мероприятию ни зрелищности, ни праздничности. В Екатеринбурге то же самое.

Такого предложения по транспортному расположению, какое внесли мы, не сделал никто. У нас из 10 видов спорта, где 8 обязательных, большинство пройдут в районе Николаевской сопки. При этом ледовые дворцы размещаются не так далеко, как могло быть в Екатеринбурге. Не будет длительных переездов ни для спортсменов, ни для их тренеров и болельщиков.

Повлияли и хорошие традиции нашего города. У нас прошло две Спартакиады народов Советского Союза. Можно сказать, что это аналоги Универсиады советской эпохи. А в 2010 году мы были организаторами в Красноярске первой после возрождения традиции Всероссийской зимней Универсиады — это тоже плюс. Наконец, спортивные достижения, наличие федерального университета. Все эти пункты склонили жюри в нашу

сторону, и РССС определил кандидатом от России наш город.

— Какая изюминка будет в содержании нашей Универсиады?

— Впервые в программе в качестве дополнительного вида появится спортивное ориентирование. Уже точно. Международная федерация ориентирования для этого провела очень большую работу, вид спорта включён в Азиатские игры — своего рода Олимпийские игры азиатских стран, во всемирные Игры военных — это тоже олимпиада среди военных.

Среди основных дисциплин в программе Универсиады 2019 — биатлон, горнолыжный спорт, кёрлинг, лыжные гонки, сноуборд, фигурное катание на коньках, хоккей, конькобежный спорт (шорт-трек). Есть и два дополнительных — это фристайл и лыжное спортивное ориентирование.

— Вообще программа студенческих игр часто обновляется?

— Нет. Даже если сравнить с содержанием Спартакиады народов СССР, виды спорта практически те же самые. Лыжные гонки, биатлон, хоккей, горные лыжи, фигурное катание. Здесь стабильность. Но, конечно, добавляются более современные виды: шорт-трек, фристайл, сноу-

— Откуда будем набирать спортсменов в национальную сборную?

— Со всей страны. Но традиционно «поставщиками» спортсменов в сборные команды России являются зимние территории: Тюменская, Свердловская, Кемеровская, Новосибирская области, Пермский, Хабаровский, Красноярский края, Ханты-Мансийский автономный округ, республики Башкортостан, Коми...

— По каким ещё показателям оценивались города-претенденты?

— По отношению населения к Универсиаде. В этом плане нам чуть не испортила картину ситуация вокруг хоккея с мячом. Представители и болельщики этого вида спорта считали, что мы не заявляем его в программу Универсиады по своей воле. Да, хоккей с мячом развивают в десятках странах, но этого недостаточно. По правилам, вид спорта может быть включён в программу только в том случае, если по нему проводится чемпионат мира среди студентов. Нельзя включить вид спорта, который не развивается большинством стран, которые принимают участие в такого рода соревнованиях! Поэтому выступления болельщиков были не оправданы, но ФИСУ на это смотрит.

общаясь со студентами, уверен, что подавляющее большинство проголосовало бы «за».

Но если пофилософствовать, то соцпросы не всегда дают точную картинку. Да, нужно высказывать своё мнение, но если ты голосуешь «против», то аргументируй: мероприятие принесёт вред, неудобство, ухудшит ситуацию и т.д. Так случилось на общественных слушаниях по второй очереди строительства Академии зимних видов спорта. Представители проектной организации, родители, тренеры объясняли собравшимся в ГорДК, что на месте деревянного здания без удобств, в котором маленькие дети зимой переодеваются в холоде, ходят в туалет по улице и простывают, практически в его границах построят современное трёхэтажное здание. И в ответ слышали: мы против, вы всё сломаете...

— Продолжим о строительстве: какие спортивные сооружения у нас появятся, а возможно, что-то уже построено?

— Построено пока немного. Честно сказать, у нас долго ничего не возводилось, а план строительства спортивных сооружений в крае появился только в 2009–2010 годах. Как раз тогда формировалась стратегия развития Красноярского края до 2020 года. К сожалению, в то время статистика характеризовала наш регион не лучшим образом. Например, по такому показателю, как финансирование на душу населения, мы были на 40–50-х позициях. Такие же места занимали и по обеспеченности спортивными сооружениями. А многие из них остались ещё со времён проведения Спартакиад народов СССР.

Естественно, те сооружения не отвечали требованиям ни в 2000-е годы, ни тем более сейчас. Из-за этого, собственно, программу и разрабатывали. Речь не шла о подаче заявки на Универсиаду, просто ситуацию нужно было в корне менять.

Сегодня можно говорить об Академии биатлона, «Арене. Север» и фанпарке «Бобровый лог» — это те готовые объекты, которые включены в заявочную книгу. В рамках стратегии есть план создания спортивного ядра в районе Николаевской сопки, начиная от Академии биатлона, включая трамплины, горнолыжные трассы на южной стороне сопки, лыже-роллерные трассы и стадион для лыжных дисциплин на северной стороне — на территории бывшего детского лагеря «Радуга». Этот комплекс должны ввести через два-три года.

Для проведения ледовых дисциплин нам нужен большой дворец на несколько тысяч зрительских мест. Это по требованиям Международной федерации студенческого спорта — FISU. Вообще это нонсенс: миллионный город до недавнего времени имел всего два «льда»: крытый стадион в Подгорном и «Сокол», который

досье



Александр Юрьевич БЛИЗНЕВСКИЙ

«Я был ма-а-аленьким спортсменом», — говорит о себе Александр Близневский. Скромничает: перечисление его званий, почётных знаков и медалей занимает несколько абзацев. Уже в 19-летнем возрасте наш собеседник выполнил норматив мастера спорта СССР по спортивному ориентированию, а сегодня его стараниями этот вид рассматривают на включение в программу Олимпийских игр.

Десять лет своей жизни, с 1988 по 2008 годы, он тренировал национальную сборную — от РСФСР до России. За это время обучил и «натаскал» шестерых заслуженных мастеров спорта, и это ещё не предел. Его воспитанники — П. МАЛЬЧИКОВА, А. ГРИГОРЬЕВ, В. БАРЧУКОВ — сегодня в топе спортивного ориентирования. Кстати, Близневский же руководил подготовкой более 60 карт для соревнований краевого, всероссийского и мирового масштаба.

Впрочем, край знает Близневского не только как спортсмена и тренера — с 2008 по 2010 годы он был заместителем министра спорта, туризма и молодёжной политики. Журналисты любят общаться с Александром Юрьевичем и, похоже, взаимно. Он немало сил приложил для того, чтобы Красноярск, Россия и мир узнали о его любимом виде спорта. С таким же азартом он включился и в заявочную кампанию Универсиады-2019, в статусе руководителя регионального отделения Российского студенческого спортивного союза по Красноярскому краю и члена исполнительного комитета союза.

борд, кёрлинг. При этом не могу сказать, что традиционные виды теряют популярность.

— В каких видах у нашей, российской, сборной наиболее вероятные шансы победить?

— Надеюсь, что к 2019 году мы будем сильны во всех видах спорта, включённых в программу. Но пока у нас не очень высокие результаты в кёрлинге, горных лыжах, шорт-треке. В остальных — есть все шансы стать первыми.

Прошлой зимой Швейцария планировала подать заявку на право проведения зимних Олимпийских игр в 2022 году. Так вот, 52% жителей выступили против, и страна отказалась участвовать в конкурсе. То есть мнение жителей — одно из важнейших условий. В общем-то, слово за ними.

— Среди красноярцев тоже проводился подобный опрос?

— Красноярцы ответили «в очной форме» — своими забегами, акциями, энтузиазмом. Да и насколько я



не выдерживает никакой критики, где зимой холодно, как на улице. И это на целый край, для фигуристов, хоккеистов, для всех видов спорта, — всего два льда! Правда, за последние годы ситуация переломилась, спортивные сооружения начали строить, и показатели, характеризующие обеспеченность спортивными сооружениями, улучшились — поднялись на 20-30-е места.

— Стоит ли ожидать каких-то необычных дизайнерских решений в строительстве новых спортивных сооружений?

— Надеюсь, что это не будут типовые постройки. Вспомним новый футбольный манеж, когда всех горожан привлекли к выбору проекта дизайна. Конечно, от стандартов, отвечающих международным требованиям и правилам, отойти невозможно. Если стартовая поляна должна быть размером 100 на 200 метров, то она будет такой.

Всё, что касается внешнего вида зданий, дизайна, оформления, думаю, будет проектироваться максимально интересно, прорабатываться и прописываться в технических заданиях. Они должны иметь свою уникальность и неповторимость, сибирский колорит, чтобы потом весь мир запомнил, какие в Красноярске есть стадионы и дворцы.

— Неподдалёку от СФУ в Северо-Западном районе ввели ледовый дворец «Рассвет», он будет задействован в программе Универсиады?

— Он станет базой для подготовки наших спортсменов и тренировок приезжих команд, но напрямую в нём не будут проводиться соревнования. Всё-таки сооружения должны соответствовать требованиям FISU — иметь большие площади, много зрительских мест. Тем более, среди болельщиков будут не только красноярцы, но и гости из других стран. К примеру, для ледовых видов спорта должно быть 10 тысяч мест. Все стадионы в Казани имеют вместимость от 3 до 10 тысяч. Там же есть комплекс с плавательным бассейном, рассчитанный на 7-8 тысяч мест. Это уникальное сооружение! В нём три чаши: одна для прыжков с трамплина с 10-метровой вышки, вторая для плавания и третья — разминочная и для водного поло...

— Завидная база ...

— Наследие нашей Универсиады будет другим, но не хуже. Наследие — это что? Это разные традиции, научные разработки, обмен опытом подготовки и проведения крупных, конференций, соревнований, всемирная известность города и, конечно, передача спортивных сооружений вузам. Именно вузам. В Казани порядка 17 спортивных сооружений переданы учебным заведениям: большие, современные комплексы, где сейчас занимаются студенты.

Мы планируем построить универсальный спортивный комплекс с 50-метровым бассейном, легкоатлетическим манежем и комплексом трансформирующихся залов для игровых видов спорта, от баскетбола до бадминтона, с попутным размещением залов аэробики, бокса, борьбы и т.д. Здесь мы сможем готовить спортсменов-зимников к Универсиаде, ведь они тоже используют зальную подготовку.

Во-вторых, мы расширим спортивную базу Сибирского федерального университета. Ведь, что скрывать, существующая сегодня материально-техническая база не вмещает огромного количества студентов, преподавателей и сотрудников. Наши ребята большую часть времени занимаются на улице, а в Сибири это не всегда полезно. Не думаю, что от занятий в дождь или в холод у кого-то останутся хорошие воспоминания.

— Из того, что вы перечислили, выходит, не так уж и много объектов осталось возвести.

— И понятно почему. Ведь у нас всего 8 обязательных и 2 дополнительных вида спорта, а не 27, как было в Казани. И участников, соответственно, будет меньше. Если там было 10 тысяч, то мы ждём порядка 3-3,5 тыс. человек. В этом смысле что зимняя Олимпиада, что Универсиада менее масштабны, чем летние соревнования такого уровня — и по количеству болельщиков, и по объёмам строительства. Для нас, может быть, летняя Универсиада и не нужна, возможно, мы бы её и не потянули.

СПРАВКА

Для проведения Универсиады в Красноярске будет задействовано около 300 объектов, включая те, которые ещё только планируют реконструировать или возвести с нуля. В городе построят две ледовых арены на 3,5 тысячи мест — одну на правом берегу возле завода «Сибтяжмаш», другую — в районе съезда с четвёртого моста через Енисей; реконструируют Дворец спорта имени Ивана Ярыгина и Центральный стадион. Гости зимней Универсиады-2019 станут студентами из более чем 60 стран мира. Жить они будут в двух десятках отстроенных гостиниц 4-5 звёзд.

— Добавлю ложку дёгтя: а зимнюю-то Универсиаду Красноярск «вывезет»? Не хотелось бы краснеть, как в этот раз с олимпийскими факелами.

— Наверное, какие-то минимальные проблемы могут возникнуть, но форс-мажоры бывают всегда. На Олимпиаде в Ванкувере в самый ответственный момент одна из колонн факела не поднялась из-за технических проблем. Курьёзных случаев много: во время выступления не играет музыка, во время награждения не играет гимн и так далее. Вопрос в том, как к этому относиться.

Конечно, ничего хорошего в этом нет, но, в конце концов, это жизнь, всё может быть. Поэтому я допускаю, что у нас не всё может сложиться идеально, но понимая, что мысль материальна, думаю о хорошем. Главное, что сейчас мы должны планомерно работать, не допускать ошибок при строительстве, закупке мебели, организации мероприятий.

Посмотрим, что сейчас будет в Италии, что будет в Алма-Аты у казахов в 2017 году, проанализируем их подготовку, учтём все советы, и свои риски сведём к минимуму.

На самом деле, подав заявку, мы сделали только небольшую разминку, и после неё выходим на старт длинного марафона. Нам нужно его преодолеть до 2019 года. А в истории были реальные случаи, когда человек пробежал 42 км и не мог осилить оставшиеся 195 метров. Марафонец истощался настолько, что разворачивался и бежал в обратную сторону.

Такой же марафон длиной в 6 лет нам нужно преодолеть и успешно финишировать.

— Если говорить масштабнее: есть ли в Красноярске препятствия для занятий спортом в целом?

— На мой взгляд, основным препятствием для массового занятия всеми формами физической активности является недостаточная материальная база. Нам необходимы бассейны, легкоатлетические манежи, ледовые дворцы, универсальные спортивные комплексы, открытые плоскостные сооружения, оборудованные тропы здоровья, асфальтированные дорожки.

У нас есть некий перекосяк в сторону профессиональных команд в игровых видах спорта. Наверное, команда по хоккею с мячом — единственная, которая сегодня полностью отвечает всем требованиям. Это спортсмены мирового уровня, красноярцы, воспитанники нашей школы. И ещё хуже, что в наших командах большинство игроков не красноярских, а то и не российских.

— Что «нематериального» должно появиться в Красноярске к 2019 году?

— Главное, что спортивный облик города должен качественно измениться, а вместе с ним и отношение

к физической культуре у всех категорий населения. Должно стать значительно больше людей, занимающихся спортом в секциях, на стадионах, в команде и для себя. За это время должен быть внедрён Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс (привычные для советских людей нормы ГТО на современный лад), должны полноценно войти в жизнь физкультурно-спортивные клубы по месту жительства.

Конечно, спортивные дворцы и стадионы — не всё, чем предстоит заняться. Много сил займут вопросы организации соревнований и культурной программы, нужно создать общественный центр, тот же пресс-центр.

Сейчас у нас есть проблемы с общежитиями: до 2019 года их нужно отремонтировать и оснастить. Должен решиться и вопрос питания спортсменов.

— Что касается культурной программы, куда, по вашему мнению, стоит обязательно свозить гостей Универсиады?

— Думаю, к тому времени нам будет что показать. Но в обязательном порядке нашим гостям нужно показать Столбы, Красноярскую ГЭС, краеведческий музей, театр им. А.С. Пушкина, который к тому времени должен предстать в новом виде. А вообще в Красноярске огромный выбор достопримечательностей.

— Вопрос на воображение: каким вы видите Красноярск в 2019 году?

— О, я вижу его красивым! Я был в Казани, видел, как может быть, и хочу, чтобы в нашем городе закончили безударные строительство этих серых коробок во всех свободных местах и начали создавать шедевры. Мы достойны большего! У нас могучий Енисей, Столбы, великолепная природа, а мы в ней ставим одни коробки.

Нельзя стоять на одном месте. Когда я сказал студентам, что во Дворце спорта имени Ивана Ярыгина раньше заливали лёд, они даже не поверили. А ведь это был ледовый дворец, просто система подготовки льда в своё время не поддерживалась и вышла из строя. Сегодня это главная баскетбольная арена города.

...Попробую представить свои будни-2019. Так как я хожу пешком, то утром буду идти от Студенческого городка до СФУ по красивому бульвару. Затем пересеку проспект Свободный (не переходя через дорогу, а над тоннелем, где будут двигаться автомобили) и, наконец, зайду в универсальный спортивный комплекс Института физической культуры, спорта и туризма!

Елена НИКОЛАЕВА

Возьмём билет — пойдём пешком?

Обычно мы отталкиваемся от сегодняшней ситуации и пытаемся её как-то улучшить, оптимизировать. Город задышается в пробках — это факт, но знает ли кто-нибудь о том, что будет завтра? Кандидат технических наук, доцент кафедры транспорта Политехнического института СФУ Александр Иванович ФАДЕЕВ именно тот человек, которому в силу статуса положено знать и прогнозировать.



— Александр Иванович, что должно перемещаться в Красноярске в перспективе, охваченной генпланом (люди, товары, грузы)?

— Основная проблема — удовлетворение транспортных потребностей населения, поскольку они специфичны: возни. На сегодняшний день в Красноярске перевозки грузов (товаров) не столь проблемны. Основную массу грузов можно доставлять в ночное время или в другие межпиковые периоды.

— Каких перемещений можно избежать и как?

— Как показывает опыт крупных городов в развитых странах, целесообразно уменьшать количество перемещений на личных автомобилях или повышать степень использования личного автомобиля. Существует ряд направлений уменьшения трафика легковых автомобилей — это и развитие безопасного, удобного и скоростного общественного транспорта, и реализация программ, стимулирующих совместное использование личных автомобилей (например, если в салоне едет четыре пассажира, то автомобилю разрешается двигаться по полосе, выделенной для общественного транспорта, а люди, работающие в одном месте, могут подвозить друг друга по очереди и т.д.); стимулирование внеофисной работы персонала с использованием Интернета и т.д.

— По какому сценарию в перспективе будут развиваться способы перемещения: пешком, трамвай, автобус, вертолёт, канатная дорога, поезд, речной трамвай, личные автомобили?

— Для обслуживания городских пассажирских корреспонденций необходимо, прежде всего, магистральный вид пассажирского транспорта, работающий на направлениях с мощными пассажирскими потоками (скоростной трамвай, метро или другой). Направления с более низкой интенсивностью пассажирских потоков будут обслуживать автобусы, замыкающиеся на обслуживании магистрального транспорта.

Другие виды транспорта, будь то речной трамвай или канатная дорога, могут обслуживать специфические пассажирские потоки небольшой мощности. Наверное, канатная дорога имела бы смысл и пользовалась спросом, если бы её проложили через Енисей, и народ из Студенческого и Академгородка мог бы добираться до Бобрового лога. Но, в принципе, на общий трафик она особого влияния не оказала бы. У речного транспорта тоже удельный вес перевозок небольшой.

— Что возможно сделать для снижения пиковых нагрузок: в разное время начинать рабочий день или что-то ещё?

— В настоящее время все резервы снижения пиковых нагрузок исчерпаны. Такие мероприятия в основ-

ном связаны с разнесением времени начала и окончания работы.

— Зачастую именно в часы пик транспорт, подвозящий продукты и другие товары к торговым точкам, останавливается на разгрузку именно на автобусных остановках. Конкретный пример: остановка «Школа» на пр. Свободный, рядом с музыкальной школой № 3. Автобусы вынуждены либо проезжать далеко вперёд, либо останавливаться во втором ряду, чтобы высадить и забрать пассажиров, а рядом две школы, дети... Это уже вопрос безопасности. Помните, в советское время продукты завозили только в ночное или раннее утреннее время.

— Есть такая проблема, причём не только в отношении грузовиков, доставляющих товар (обслуживание торговых точек должно осуществляться, как правило, в ночные часы), но и в отношении такси, которые занимают остановки общественного транспорта и мешают его работе. Это безобразие, и кто-то должен ситуацию контролировать.

— Александр Иванович, в Европе проблема городских пробок стала актуальна 40 лет назад. Скажем, в столице Норвегии жители выступали за то, чтобы вообще убрать в городе трамваи — лишь бы освободить место для машин, лишь бы расширить улицы. Но мэр, проконсультировавшись у специалистов, принял совершенно другое решение — сузить улицы, но зато сделать бесперебойным движение общественного транспорта. По этому же пути пошли и

некоторые другие страны. Результат — в европейских столицах нет пробок, и при реконструкции улиц решение принимается в пользу пешеходов, а не транспорта! Можно сказать, что расширение улиц — это иллюзия решения проблемы?

— Всем известно, что в городе должна быть рационально развитая уличная дорожная сеть, но сама по себе она ещё ничего не решает. Чтобы избежать пробок, параллельно нужно развивать общественный транспорт. Например, в Красноярске нам сейчас не хватает магистральных дорог, которые связывают районы города между собой без светофоров, пересечений в одном уровне и т.д. По таким магистралям разрешается достаточно большая скорость движения: 100-110 км/ч.

Однако я согласен с мнением, что просто развитие уличной дорожной сети проблему пробок не решит, есть закономерность: новые магистрали порождают новые транспортные потоки и новые пробки.

— Обычно мы говорим о системном решении транспортной проблемы. Системное решение дорого — и в результате проблема не решается. А можно говорить о прецедентных решениях: сделать в городе хотя бы одну многоуровневую развязку? Связать хотя бы два района города монорельсом? И это может стать прообразом дальнейших действий.

— В любом случае, даже если денег не хватает, должен быть системный подход к решению проблемы. Да, какие-то пилотные проекты нужно рассматривать. Допустим, сегодня строится развязка с улицы Калинина на Маерчака и 2-ю Брянскую. Она значительно облегчит положение.

Но всё равно надо решать вопросы комплексно. Вот мы говорим об отсутствии денег в бюджете, но почему бы не сделать выделенные линии для общественного транспорта на существующих магистралях? Если бы общественный транспорт ходил быстро, был удобный и безопасный, то какая-то часть владельцев автомашин им бы пользовалась. Когда мы опрашивали автомобилистов, которые ездят на работу на личных автомобилях, 50% из них выразили готовность пользоваться общественным транспортом. Почему нет? А то

приезжаешь утром на работу и голова болит о том, куда припарковать автомобиль, а если поставил неудачно, то весь день думаешь, как бы его не поцарапали, не увезли на эвакуаторе...

Совсем другое дело, когда приезжаешь на работу на автобусе — тебя больше ничего не беспокоит. Даже если не 50, а 25% автомобилей удастся убрать с городских улиц — пробки, скорее всего, исчезнут.

К слову, и сам общественный транспорт готов развиваться. Большинство маршрутов сегодня обслуживают частники. Единственное, что надо сделать — это установить рациональные тарифы, создать условия для нормальной работы. Но если сделать выделенные полосы, это наверняка позволит ездить быстрее, тогда, возможно, и проблема тарифов не будет стоять так остро. Она ведь обостряется ещё из-за пробок: допустим, водитель вместо пяти рейсов сделал три. Ему всё равно надо зарплату платить, но откуда брать деньги? Первое, что приходит на ум — повысить тариф.

Одна многоуровневая развязка — ещё не решение проблемы. Что касается многоуровневых парковок, то есть смысл их строить в центре города, а на окраинах — не стоит и рассматривать. А при реконструкции улиц лучше сделать кроме дополнительной полосы дополнительные парковки. Что касается монорельса, то мы предлагали сделать технико-экономическое обоснование развития трамвайного движения на правом берегу по стандартам скоростного трамвая. Для этого необходимо выполнить технико-экономическое обоснование (ТЭО). Мы составили это ТЭО, написали техническое задание, отдали документы на рассмотрение в администрацию города...

— Что делать с перекрёстками в городе? Допустим, на Красной площади — там возможно прорыть тоннель или сделать надземный уровень?

— Многоуровневую развязку можно сделать в любом месте, но в том, что именно на перекрёстке в районе Красной площади возникает затор, виноват не этот перекрёсток, а прилегающее движение — улица Робеспьера до пересечения с улицей Ленина. Как решить проблему? Вопрос сложный. Или многоуровневую развязку делать, или потоки разделять. Сейчас огромная нагрузка падает на улицу Робеспьера, в то время как соседняя с ней улица Диктатуры пролетариата заставлена личными автомобилями. Если их оттуда убрать, то часть потока можно было бы сюда перенаправить.

Сейчас город пытается перераспределять потоки, и есть примеры, когда это удаётся и облегчает движение. Например, в районе съезда с улицы Копылова (улицы Пушкина, улица 1905 года и Копыловский проезд) летом изменили организацию движения — разнесли два встречных потока, которые «сбрасывались» на Южный проезд с улицы Пушкина, и часть автомобилей перенесли на улицу 1905 года. Сначала народ не принял это нововведение, но потом все убедились, какие плюсы оно принесло.

— Должен ли новый генплан уделить внимание развитию интермодальной транспортной



СПРАВКА

Двухуровневая развязка на ул. Калинина — 2-я Брянская должна стать частью первого транспортного кольца, в которое также войдут четвёртый мост и двухуровневые развязки на ул. Авиаторов и Брянской. Вторая очередь реконструкции ул. Брянской планирует в границах Железнодорожного и Центрального районов строительство эстакады с выводом на второй уровень транспортного потока, направляющегося со 2-й Брянской на Калинина и в обратном направлении. Замкнуть кольцо планируется к 2015 году (фото с сайта компании «Сибмост»)



системы, позволяющей в специальных узлах делать пересадки на различные виды транспорта?

— В генеральном плане города это предусмотрено, потому что параллельно разрабатывается комплексно-транспортная сеть Красноярска, в которой будут рассматриваться все транспортные проблемы, магистрали, узлы.

— В пробках правого берега серьёзная вина лежит на Транссибирской магистрали, которая пересекает всё правобережье. Как решить эту проблему? Нет ли смысла прорыть ещё несколько проездов под магистралью (как на Матросова) или сделать ещё сухопутные мосты (как на Мичурина)?

— Если есть необходимость, можно кое-где сделать переходы, но это почти то же самое, что и многоуровневая развязка. Переход через Транссибирскую магистраль — эта задача должна ставиться в комплексе, параллельно с другими транспортными задачами. Если будет ещё один мост — может быть, и транспортные потоки уменьшатся настолько, что проблема сама собой отпадёт. Нужно только смотреть, где делать эти переходы.

— Если всё же реализовать идею пешеходной улицы в центре города — как сделать так, чтобы транспортная ситуация не ухудшилась?

— Я считаю, что пешеходная улица может быть реализована следующим образом. Допустим, мы берём проспект Мира, убираем отсюда все личные автомобили и делаем её только для общественного транспорта и пешеходов. Я убеждённый сторонник того, что в любом случае нужно рассматривать не только транспортные, но и пешеходные потоки. Пешеходные улицы по описанному выше принципу — дело не новое. Есть рекомендации по обустройству выделенных линий, и один из пунктов — это выделение полностью участка улицы для общественного транспорта.

— Надо ли развивать трамвайную сеть на левом берегу города? И вообще — трамвай в том виде, как есть сейчас, помогает решению транспортной проблемы или усугубляет её?

— Для того чтобы удовлетворить потребности населения в перевозках, у нас должно быть деление на два типа общественного транспорта. Первое — магистральный, т.е. транспорт с высокой провозной способностью и высокой скоростью сообщения (метро, метротрам или скоростной трамвай). Развитие трамвая на левом берегу в этом случае приобретает определяющий смысл. Данный магистральный вид транспорта будет функционировать на тех направлениях, где существуют достаточно мощные пассажирские потоки. Автобус может работать на подвозящих маршрутах.

Что касается сегодняшнего трамвая, то проблему транспортную он не решает, пассажиров перевозит немного, хотя и востребован частью горожан. Чего греха таить, в настоящее время в Красноярске данный вид транспорта некомфортный, холодный, шумный, это техника позавчерашнего дня, и не убирают его только потому, что нельзя уничтожить трамвайное движение вообще. Дело в том, что в перспективе рассматривается возможность реконструкции этого транспорта по стандартам скоростного трамвая.

Во многих городах Европы, особенно в восточной её части, сначала закрывали трамвайное движение, чтобы освободить дороги для автомобилей, а потом, когда трамвай убрали, вдруг понимали, что решить проблему невозможно и заново организовывали трамвайное движение. Давайте же будем учиться на чужих ошибках.

Скоростной трамвай может работать и по линии метро — у них колея

одна и та же. Когда мы делали концепцию развития пассажирского транспорта, то в качестве магистрального вида транспорта предлагали именно скоростной трамвай. Кстати, он сегодня развивается во многих городах: в Москве, в Новосибирске и даже там, где существует сеть метро, потому что мощности пассажирских потоков разные, и там, где метро не может работать эффективно — выручает трамвай. У нас же перспектива метро вообще очень сомнительна. Поэтому сейчас самое реальное и оптимальное — скоростной трамвай, даже с учётом увеличения интенсивности пассажиропотока в два раза, в случае, если 50% процентов людей с личных автомобилей пересядут на общественный транспорт. Актуальность развития этого вида транспорта возрастает в связи с решением о проведении Универсиады-2019 именно в Красноярске.

Проведение Универсиады потребует разработки отдельного проекта по обеспечению транспортной подвижности. В нём будут проанализированы графики проведения соревнований, оценены потоки пассажиров и предложены методы беспрепятственного обслуживания этих потоков. Как одна из возможных мер — запрет на въезд в город постороннего (не городского) транспорта. Однако эта мера должна рассматриваться в последнюю очередь, когда исчерпаны все другие возможности обеспечить обслуживание городского трафика. Как показывает опыт, городская инфраструктура, в том числе и транспортная, получит существенное развитие.

— В поиске новых возможностей для прокладывания дорог продолжается сужение русла Енисея. Как вы оцениваете такое решение?

— Почему бы и нет? Главное, чтобы река обеспечивала нормальный сброс. С точки зрения освоения пространства — это хорошая идея, хотя надо считать насколько это экономически целесообразно. Я думаю, здесь больших проблем не должно возникать. Можно для разгрузки транспортных потоков задействовать на-

бережную Енисея. Во многих городах идут по такому пути. Она у нас вообще сегодня бесхозная: люди не гуляют, и автомобилям места нет. Надо определиться: или набережная для отдыха, или для транспорта. Вопрос концептуальный.

— Где и как может быть организовано велосипедное движение по городским улицам?

— Велосипедные дорожки при желании можно сделать практически везде! Во-первых, в нашем городе широкие пешеходные тротуары (в других городах они намного уже), во-вторых, у нас есть газоны, которые можно немного заузить и провести велосипедные дорожки.

— Почему же об этом только говорят и говорят, но ничего для велосипедистов не делают?

— Мне кажется, этим не занимаются, потому что не вполне актуально, у нас ведь не так много людей ездят на велосипедах, в связи с особенностями сибирского климата. Шутка ли? Зима длится шесть месяцев в году. Поэтому, думаю, этот вид транспорта большого распространения в городе не получит.

— Каким вы представляете Красноярск и его транспортный вопрос лет через 5-10?

— Много будет зависеть от выделенных средств на развитие пассажирского транспорта. Но я полагаю, что обязательно обустроят выделенные линии для автобусов, определят магистральный вид транспорта и, скорее всего, это будет скоростной трамвай, потому что он на порядок дешевле, чем метро. Если мы будем решать — построить через 100 лет метро или через 10 лет запустить трамвай, то совершенно очевидно, что победит. В конце концов, у нас определится направление развития магистральной уличной сети — какие-то магистрали будут сделаны без пересечений в одном уровне и без светофоров. Если автобусы и останутся, то они будут работать на экологически чистом топливе, например, на этаноле. Иначе в этом городе нам просто не выжить...

Вера КИРИЧЕНКО

Дети голосуют за аквапарк

«В Красноярске меня устраивает всё. Это моя родина, в которой мне всего хватает». **Валерия ПРОТАСОВА** из 7 Г

Учеников средних классов гимназии №2 (с которой у нашей газеты за два года сложились добрые отношения сотрудничества) мы снова расспросили о Красноярске. Дети отвечали на два вопроса: какое местечко в городе у них самое любимое и чего им не хватает, т.е. что бы они хотели видеть построенным в Красноярске. Мы получили почти 200 школьных листочков — спасибо вам, 5-7 классы!

Я люблю...

Мое любимое место в городе — улица Мира. Там есть красивые фонтаны, музыка играет. Старые домики выглядят очень красиво и загадочно. У меня эта улица ассоциируется с большим и красивым царством. **Елизавета ВИЛКОВА, 5 Б**

Мое любимое место — это лес рядом с СФУ. Весной и летом я с родителями и моим братиком катаемся на велосипедах в этом чудесном месте. Осенью обкидываемся разноцветными листьями и кормим белочек. Зимой папа учит меня и Антошу кататься на лыжах. Наша семья очень любит это место, и даже кролику нравится прыгать по зелёной травке навстречу тёплому лесному ветерку. **Анна ДОЛИДЁНОК, 5 Б**

Я люблю «Дом кино» — там приятно находиться. Атмосфера очень уютная и погружена в историю нашего города. Есть библиотека и книжный магазин. Там можно выпить чашечку крепкого кофе и почитать какие-нибудь приятные для души книги. **Алиса САФИУЛИНА, 7 В**

Я люблю «Планету». Там много кафешек, люблю гулять по магазинам. Можно сходить в кино. Есть забавные площадки, городки, корабли. Там большая парковка подземная и на улице. Там два больших фонтана и гипермаркет «Окей», и можно купить достаточно бытовой техники в магазине Леруа Мерлен. Клёвый магазин для детей «Детский мир». **Саша МИСКУН, 5 Б**

Моё самое любимое место в Красноярске — это «Спортэкс», я люблю экстремальные виды спорта. Хорошо бы такие сооружения были во многих районах города. **Никита МАЛЬКОВ, 7 В**

Нравится Питерский мостик и возле церкви памятник Сурикову. Там много голубей, их можно кормить. Только там бомжи, а так ничего. **Ксения ШУЛАЕВА, 6 В**

Лучшее местечко в городе — это Музыкальный театр. У них очень много разных позитивных спектаклей, также мне нравится игра актёров, великолепные режиссёры этого театра. **Сергей ЧЕРЕПОВСКИЙ, 7 В**

Мне нравится спуск по улице Ястынская. Этим летом с моей лучшей подружкой мы ходили фотографировать вид, открывающийся оттуда. С самой первой минуты я влюбилась в это место! Смотря на эти холмы, на убегающие вдаль кварталы, ты понимаешь — это твой город, и ты любишь его таким, какой он есть. **Лиля ИЗМЕСТЬЕВА, 7 Б**

Моё любимое место досуга в городе — краеведческий музей. Экспонаты музея регулярно обновляются, и в нём никогда не скучно. **Андрей ПОДДУБНЫЙ, 7 В**

Моё самое-самое любимое местечко в городе — это парк Горького. В том парке у меня было много приключений! У меня счастливые воспоминания. Там познакомились мои родители. Я нашла там котёнка, который до сих пор у меня живёт! А ещё мне нравится кататься на аттракционах. **Яна ГАВРИЛОВА, 5 Г**

Остров Татышев! Там очень хорошо гулять, там нет машин, очень длинные дорожки, по которым можно просто идти и не думать... **Мария МУРЗИНА, 6 Б**

Мне очень нравится на стадионе «Ветлужанка», я там с ребятами бегаю по лесу, и мы разговариваем на разные темы. **Данила МЕЩЕРЯКОВ, 7 Г**

Театральная площадь — там очень красиво и празднично! Летом, когда стемнеет, на фонтанах начинается лазерное шоу. Оно проходит под громкую музыку. Зимой фонтаны разбирают, и на их место ставят разные декорации. Круглый год на площади проходят ярмарки и различные праздники. **Дарья СКРИПАЧЁВА, 6 Б**

У меня много любимых мест в городе, однако очень мало времени, чтобы посещать их. Но если всё же выдаётся свободная минутка, то мы с мамой любим ходить на мостик через речку Кача в районе Колхозного рынка. Мы покупаем булку хлеба и подкармливаем уток, которые облюбовали это место и живут там круглый год, даже в самые лютые морозы. Так интересно смотреть на уток, когда они соревнуются в том, чтобы ухватить кусок побольше. Постоянно надеешься, что они подплывут поближе и позволят рассмотреть себя получше... **Анастасия КОЛЕСНИКОВА, 5 В**

Кинотеатр «Луч». Для меня это самое развлекательное заведение, там есть много игровых автоматов, небольшая пиццерия, бильярд, там можно посмотреть кино в формате 3D и 5D. **Максим ГИЛЁВ, 7 В**

Моё любимое место в Красноярске — это мой дом. Потому что это моя крепость, и всё под рукой. Там я живу одиннадцать лет, и он очень уютный. Там живёт моя мама, бабушка, дед, тётя и я с котом. **Иван ПУТУЛЯН, 5 Б**

Моё самое любимое местечко — БКЗ, так как всю свою жизнь я хожу в него, не пропускаю ни единого концерта классической музыки, я «пропитан» музыкой, которую слушаю там. Я выступал там. **Александр БАГАУТДИНОВ, 7 Б**

Спортивный комплекс «Юность» — лучшее место в Красноярске. Я занимаюсь волейболом. У меня очень большая (целых 22 человека!) и дружная команда. «Юность» очень удобная, светлая. Там находится огромный (не большой, а огромный!) волейбольный зал. Ещё есть много трибун в виде мягких диванов. Я приезжаю в «Юность» 4 раза в неделю. **Анисия ПУТИНЦЕВА, 5 Б**

(Многие школьники назвали самыми любимыми как раз «свои» спортивные заведения, бассейны, где занимаются много лет, и которые стали родными;

свои художественные и музыкальные школы, куда с радостью идут чуть не каждый день; дворцы культуры, где занимаются в танцевальных кружках и других секциях)

Мы с моей семьёй каждые выходные встаём пораньше и едем на Столбы. Чтобы отдохнуть от шумного города, подкормить птиц, понаблюдать за быстрым бурундучком. А потом забраться на высокий столб и попить горячего чая. **Елизавета ГОНЧАРОВА, 7 Г**

Приходя на Площадь Революции, я ощущаю прилив счастья от воспоминаний — когда-то я рисовала её, писала об этой запущенной площади. Здесь гуляют сухие старушки с их подвижными внуками, летают голуби, встречаются влюблённые. Эта площадь — место моих светлых воспоминаний о летней практике. **Дарья ДОЛМАТОВА, 7 Г**

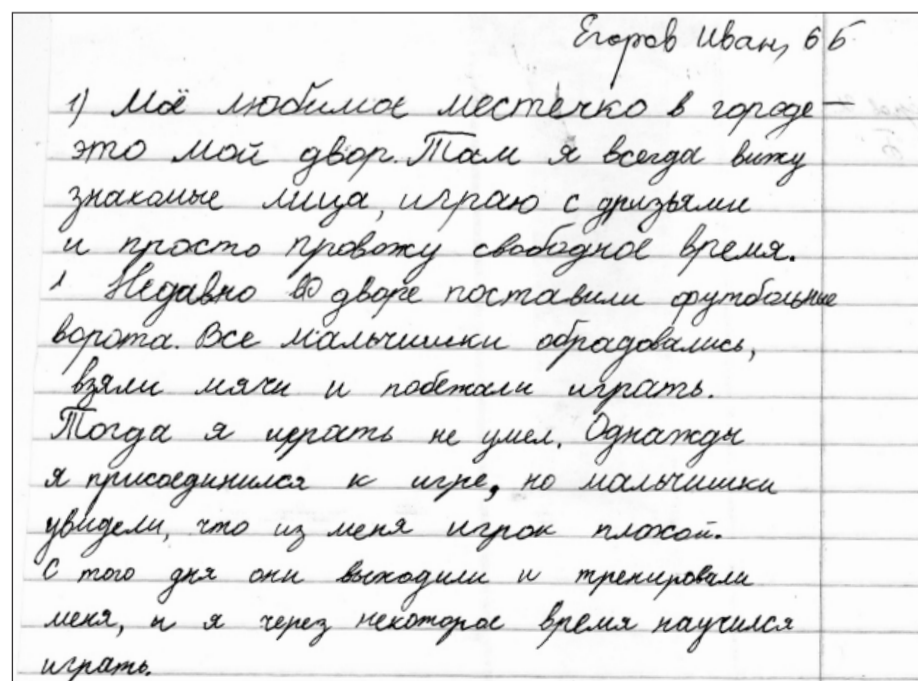
Моё любимое место в Красноярске — это памятник самолёту МИГ-21ф на улице Краснодарской. Я люблю это место, так как когда я была маленькой, мы с бабушкой всегда гуляли там. Бабушка сидела на лавочке, а я рассматривала самолёт. **Вероника БЛИЗОРУЦКАЯ, 7 Б**

Музей на Стрелке. Там крайне интересные экспонаты и картины. Мне, как человеку, отдалённому от искусства, нравится всё в этом музее. **Александр КРЫЛОВ, 7 Б**

Моё самое любимое место — смотровая площадка у часовни. Я люблю приезжать туда ночью, когда там никого нет. Там открывается чудесная панорама города. **Лола ХАЙДАРОВА, 7 Б**

Моё самое любимое местечко в городе — это моя школа. Я готова проводить в ней весь день и даже жить! В школе я чувствую себя уютно, школа — мой дом. Здесь самая лучшая атмосфера и самые лучшие люди. **Анжелика ФИЛИППОВА, 7 Г**

Мне нравится остров Отдыха. Потому что там очень хорошо можно отдохнуть, пожарить шашлыки, покататься на велосипеде и моё любимое — порыбачить. Рыбалка тут очень хороша! А в общем, в нашем городе нет плохих мест, просто каждому нравится своё. **Влад ДРАНИШНИКОВ, 7 Б**





Мне не хватает...

Очень многие ребята отметили, что в городе не хватает травы, парков («живём в каменных джунглях»), скверов и... фонарей. И конечно — детских площадок («маленькие дети будут очень рады, если их построят, ведь большинство детей играют в неблагоустроенных дворах»). А ещё детям не хватает — мест для людей с ограниченными возможностями, детских садов, стадионов, футбольных полей, парковок, Макдональдса. Но на первом месте два безусловных «отсутствующих лидера» — аквапарк и Диснейленд.

Не хватает планетария. В Москве я посетила планетарий — это удивительное место. Я смотрела в космос! Слушала лекцию лёжа, глядя на потолок, на котором видела осколки разных планет, рассматривала спутники, космонавтов... И я бы хотела, чтобы каждый ребёнок увидел то же, что и я. Ведь это так интересно! **Анна МОДЕСТОВА, 5 Б**

В Красноярске не хватает добрых людей, которые бы не мусорили, ценили красоту города. **Анна ДОЛИДЁНОК.**

Мне не хватает в городе хороших автобусов. Потому что они ломаются. **Евгения СИРАЦКАЯ, 7В**

В Красноярске не хватает клуба для подростков — как сосновоборский клуб под названием «Форсаж». Там есть пейнтбол, гоночные карты, ну в общем всё, что интересно детям от десяти лет. Зимой там можно ездить на снегоходах. Помню, с папой как-то пробовали... **Александр ПОДШИВАЛОВ, 5 В**

Я хочу построить в нашем городе Диснейленд. Я хочу это сделать, потому что там весело. А ещё я думаю, что нам не хватает скамеек, возле которых есть розетки, а то ведь у некоторых разряжается электроника. **Соня КРАПОУЛОВА, 5 Б**

1. Моё самое любимое место в городе — зоопарк «Рев ручей». Особенно я люблю там бывать осенью. Звери уже не прячутся от жары и их можно рассмотреть, некоторых можно даже покормить. А вокруг очень красивая природа, раскрашенная красками осени.
 2. Я бы хотела построить в моём любимом городе аквапарк. Это бы долгой холодной зимой мы могли плавать, весело кататься на водных горках вместе с друзьями. **Арина ПАВЛОВА, 5 В**

1. Моё самое любимое место — «Бобрый лог». Это способствует развитию города. Там отдыхают иностранцы. Да и вообще «Бобрый лог» мирового уровня. Я уверен у нас ещё будут лучшие в мире курорты. **АРТЁМ ЛАПЫЦКИЙ, 5 В**

Я бы хотел, чтобы у нас в городе построили пару небоскрёбов — с ними он будет в пять раз красивее прежнего. **Александр ЛИПОВЕЦКИЙ, 7 Б**

Городу не хватает ледовых центров... Там детишки и взрослые могли бы с удовольствием покататься на коньках — провести время весело и подвижно. **Алина СКУРЫДИНА, 5 Б**

Мне кажется, что в городе скверов не хватает. Я люблю по ним гулять, и мне кажется, что каждый человек любит. В моём районе их нет вообще, и поэтому я езжу в центр погулять. **Ева КУПРИЯНОВА, 5 Б**

Я бы хотел, чтобы в Красноярске построили хороший аэропорт. Чтобы когда туристы прилетали в город и смотрели, какой у нас хороший аэропорт, думали о нашем городе только хорошее. **Никита КОМЯКОВ, 6 Б**

Мне как владельцу собаки очень не хватает обустроенной площадки для выгуливания и игр со своим любимцем. Думаю, многие собаководы поддержат меня. **Лика ИЗМЕСТЬЕВА, 7 Б**

Я считаю, что в городе не хватает всего. Надо снести пару заводов, и всё! Больше всего не хватает экологии, несмотря на огромные леса. И надо меньше строить промышленных объектов. **Алиса РУБЦОВА, 6 Б**

Рехлов Евгений 5 А
 1. Какое место в городе самое любимое?
 Мемориал победы. Там можно походить по танкам и пушкам.
 2. Чего тебе не хватает в городе, что бы ты построил в Красноярске?
 Не плохо бы было построить побольше школ и уменьшить объём домашнего задания по английскому языку и снести все заводы в Красноярске и поставить их подальше от города! И поставить ещё одну Зыряливу бабью. И наконец призывать людей к добру!

Я хочу снести часть города выставить там газон и ездить на лошади!!!
Артём МЕЛЬНИК, 6 В

В Красноярске не хватает платных дорог, а ведь если бы они были, то стало бы меньше пробок. **Анна БУРБА, 7 Г**

В городе мне не хватает, если честно, метро. Может, это звучит банально, но это так. Иногда я живу у бабушки в Черёмушках и утром еду в школу

на автобусе. Вечные пробки на дорогах, аварии. Если построят метро, то мне кажется, это будет немного как «доброе дело». Ведь не я одна езжу на автобусе. **Ксения ШАРЫПОВА, 6 Б**

Мне не хватает хорошего пляжа в нашем городе, где можно плавать, загорать, веселиться. **Елизавета ШИТИКОВА, 5 Г**

Нужен дельфинарий. Потому что почти все любят дельфинов. Многие мечтают с ними поиграть, погладить и т.д. **Ева КОЛЕСНИЧЕНКО, 5 Г**

Надо построить приюты для бездомных животных. У меня даже есть чертёж такого приюта. **Анастасия КОВАЛЬ, 7В**

Если бы можно было построить в нашем городе воздухоочистительную станцию, тогда бы наш город был чище. **Вова МЕЛЬНИКОВ, 6 Б**

В нашем городе не хватает красок, цвета. Разве интересно смотреть на серые строения? **Павел ПАВКИН, 5 Б**

Благодарим педагогов гимназии № 2 Жанну Владимировну ПОПКОВУ, Оксану Анатольевну ШЕВЧУК, Галину Петровну МАРЬЯСОВУ, Елену Леонидовну БРОДЕЦКУЮ, Екатерину Юрьевну ТОРОПЫНИНУ

Когда в доме хозяин

Говоря о будущем города, мы мысленно рисуем ультрасовременные архитектурные сооружения, хотим, чтобы именно в Красноярске построили то и это, представляем обязательно — новое, обязательно — чего ещё не было. А ведь то, будет ли жизнь радовать именно вас, зависит совсем не от наличия небоскрёбов или стильных особняков, современных развлекательных центров или избытка музеев (хотя и картинка, и начинка, не спорим, — важна). На первом месте будет: чистый подъезд, работающий лифт, уютный двор, безопасность детей.

В товарищах согласия нет

ЖКХ сейчас в тренде. Тему эту активно эксплуатировали на осенних выборах кандидаты в Красноярский горсовет, продолжают будоражить уже избранные депутаты и общественники, а тут ещё президент ПУТИН учредил отдельно целое федеральное министерство ЖКХ и строительства. Но мода приходит и уходит, а ухаживать за домами кому-то надо всегда.

...Председатель товарищества собственников жилья с уверенным названием «Хозяин» Людмила ВАСЬКИНА — из тех представителей жилищно-коммунального хозяйства новой формации, которые не только собирают с хозяев квартир деньги, но и реально делают всё возможное, чтобы многоквартирные дома, оказавшиеся в их ведении, были исправными, красивыми и уютными, а жители этих домов — довольными. Подтверждение этих слов — второе место в прошлом конкурсе, организованном мэрией, на лучшее ТСЖ Красноярска и лидирующая позиция в своей номинации в конкурсе нынешнем (подведение итогов — в декабре).

А ещё лучше о работе ТСЖ «Хозяин» и его «хозяйки» мне как стороннему гостю сказали сами дома, придомовые территории, спортивные площадки и спортивные достижения юных и взрослых жителей этих домов. Да и жители, с которыми я столкнулся в офисе ТСЖ, подтвердили: эта женщина с нарочито грубоватой панибратской манерой разговора слово своё всегда держит — так же, как уверенно держит в руках всё хозяйство пяти подотчётных многоэтажек.

— Людмила Петровна, как вы стали председателем ТСЖ? Работали ранее в ЖКХ?

— Совсем нет! Заниматься этим делом я стала совершенно случайно. Приобрела здесь квартиру и пришла на организационное собрание ТСЖ, которое проводил застройщик. Особо желающих возглавить ТСЖ среди собственников квартир не было, а я человек по характеру достаточно инициативный. Это, наверное, с тех пор, когда я некоторое время работала в школе, потом сменила занятие, но, пока учились мои дети, была в их школе председателем родительского комитета.

Мне кажется, что здесь я на своём месте. Мне нравится в ТСЖ работать, я постоянно хочу что-то по мере возможности улучшать. В то же время работа с людьми — очень тяжёлая: для некоторых чем больше делаешь, тем больше они недовольны.

— Когда речь заходит о проблемах в ЖКХ, и представители власти, и сами работники жилищно-коммунального хозяйства, и даже СМИ в один голос повторяют: «Люди сами виноваты в том, что их дома плохо обслуживают и ремонтируют! Они должны сами быть активными, должны заставлять работников ЖКХ работать, должны контролировать качество производимых работ и расходование финансовых средств!». Неужели и вправду должны? Должны сначала платить деньги управляющей домом организации, а потом должны за счёт своего свободного времени контролировать проведение ею работ и заставлять её эти, уже оплаченные жильцами работы, делать?

— Никогда вопросы эксплуатации многоквартирных домов не должны решаться «снизу» самими жильцами, да они и не будут этим заниматься! Не для того люди нанимали управляющую организацию или создавали ТСЖ, чтобы потом за них делать их работу! Единственное, что могут делать хозяева жилья и квартиросъёмщики — писать жалобы. И их на нас, как и на любую другую организацию из сферы ЖКХ, пишут немало.

— И на что жалуются?

— Вот тут у нашего ТСЖ с управляющими компаниями большая разница. Наши жители жалуются не на плохое обслуживание или некачественный ремонт, а на то, например, что после получения экономии по коммунальным услугам мы не вернули излишки платежей жителям, а направили эти средства на благоустройство дворов, создание спортивной площадки.

Мы прямо во дворе на нашей спортивной и игровой площадке со всеми жителями отмечаем Новый год, Масленицу — на эти праздники выходят сотни людей со своими угощениями! Ребятишки у нас ходят в походы, занимаются спортом, участвуют в соревнованиях, мы и сами проводим мультиспортивные состязания на Кубок ТСЖ «Хозяин».

Мы за свой счёт построили современную спортивную площадку с мягким покрытием. В помещении бывшей лифтовой сделали детский клуб с играми, спортивным инвентарём и тренажёрами, который открыт по вечерам четыре раза в неделю...

Но есть среди жителей наших домов процентов 3-5 таких, которые заявляют: «Мне не надо это всё, верните мне деньги!». И плевать им на то, что решения принимала даже не я лично, а правление ТСЖ из 32 человек и общее собрание собственников. Они пишут жалобы в прокуратуру, в Службу строительного надзора и жилищного контроля Красноярского края. У меня только в этом году уже было четыре прокурорских проверки, в Стройнадзоре меня, наверное, уже все специалисты знают!..

Законы пишут для бездельников

Уладить конфликт интересов жителей одного и того же дома — проблема, нередко, почти неразрешимая.



Спортплощадка построена на сэкономленные средства



Обсуждение важных вопросов



В подъезде

мая. Знаю это сам по опыту общения с соседями. А тут ещё Жилищный и Строительный кодексы вкуче с сопутствующими документами сегодня таковы, что и очевидно полезное для дома дело сделать сложно, даже имея большинство на своей стороне. Но Людмила Васькина, более известная среди жителей ТСЖ «Хозяин» как «Петровна», видимо, исходит из хорошо известного принципа: «Кто хочет делать дело, найдёт возможность, кто не хочет — найдёт причину». Вот только что за страна у нас такая, в которой причины безделья прописаны в законах, а возможность делать что-то полезное приходится «изыскивать»?

— Вообще сейчас законы у нас такие, как будто их специально писали, чтобы в системе ЖКХ всё встало! — возмущается Людмила Петровна. — По большинству вопросов необходимо решение 2/3 собственников. За раз провести собрание в четырёх-пяти домах и набрать такой результат практически невозможно, приходится искать, убеждать людей и потом «доголосовывать» в письменной заочной форме. Но некоторые решения требуют 100% голосов «за», а это в принципе невозможно, потому что некоторые собственники даже проживают в других городах!

Или вот недавно специалисты строительного надзора возмущались: «Ничего себе, сколько вы положили асфальта сверх того, что было!». Да, я приняла решение заасфальтировать 1200 квадратных метров вокруг дома! Мы расширили проезды. Так мне природоохранная прокуратура столько претензий предъявила... А ведь именно благодаря этому у нас люди теперь и машины могут парковать, и пешком ходить, иначе бы, как у всех, тут был завал: автомобили стояли бы на газонах и пройти было бы невозможно. Но разве чиновники, цепляющиеся за букву закона, думают о том, как это скажется на людях?

Ещё пример — отмостка. У нас 10-й дом построен без свай, грунт у стен уже несколько раз проседал. В результате, чтобы уберечь дом от постепенного разрушения, нам несколько раз приходилось рыть траншеи, укреплять грунт специально привезённым материалом. Разумеется, вся прежняя отмостка полетела, и мы сделали новую, более широкую. Мне теперь и это в вину ставят...

Газон между Лесопарковой улицей и нашими домами не относится к придомовой территории, но я заставляю своих дворников наводить на нём порядок, потому что знаю — на муниципальных службах надеяться нечего! И эта площадь перед нашими домами — по факту «лицо» нашего ТСЖ, хоть юридически нам и не принадлежит.

ТСЖ = местное самоуправление

Надо сказать, что в ТСЖ «Хозяин» меня, пользующегося, с позволения сказать, «услугами» своей управляющей компании, удивило и порадовало даже не состояние домов, придомовых территорий, ухоженные спортивные и детские площадки.

Впечатлило, что ТСЖ здесь не просто управленец, обслуживающий нормальную эксплуатацию жилого фонда, а некий костяк и организатор микросоциума жителей подведомственных домов. По сути это реальное местное самоуправление, в отличие от муниципальной власти, которая копирует работу чиновничьих госструктур и лишь называется местным самоуправлением.



Детский клуб в бывшей лифтерной



При этом Людмила Васькина уверена — эффективным самостоятельное местное самоуправление станет только в том случае, если в нём будет чёткое разделение прав и обязанностей.

— По поводу того, что каждый житель должен быть активным... Активность активности — рознь! Наоборот, говорю людям: «Не лезьте в мои договорные отношения с подрядчиками. Вы мне доверили свой дом, и я отвечаю за то, чтобы он был в хорошем состоянии, чтобы у вас в квартире было электричество, тепло, вода, работали лифты, дворники убрали территорию, мусор вовремя вывозили и т.д. Как я добиваюсь этого в рамках принятого в ТСЖ тарифа — не ваше дело! Смогу где-то сэкономить, вот тогда будем собираться и обсуждать, на что потратить эти деньги».

— **Т.е. вы считаете, что жителям не надо заниматься собственно коммунальными проблемами?**

— Да, для этого дела они создали ТСЖ и меня председателем избрали! А вот по поводу того, как сделать жизнь в наших домах лучше, удобнее, приятнее — мнение людей надо учитывать. И жители наши активны — предложений поступает много. Возьмите озеленение: мы столько цветов и деревьев посадили во дворах — одних только кустов барбариса несколько сот штук, не говоря уже о липах и других деревьях!

Мы взяли в штат тренера, который вечерами занимается с детьми. Представьте себе, что у вас нет бабушек, способных присмотреть за вашим сыном или дочерью, а вы по вечерам задерживаетесь на работе, или хотели бы с женой (мужем) сходить в кино, или на концерт, или у вас другие дела... Куда девать ребёнка? А

у нас четыре дня в неделю с 18 до 21, а то и до 22 часов в клубе, сделанном на месте бывшей лифтерной, открыт детский клуб, они там и чай могут попить, и в игры поиграть, и на тренажёре позаниматься. По словам родителей, для самих ребятшек запрет посещения клуба на несколько дней — это серьёзное наказание.

А вообще мы ходим с ребятами в походы, соревнования по разным видам спорта проводим, минувшим летом организовали внутри ТСЖ мультиспортивный турнир. Наша детская команда по гандболу — вообще сильнейшая в городе. К сожалению, соперников у наших ребят почти нет, слабо развит этот вид спорта в Красноярске.

Что делать?

Оставим в стороне первый любимый российский вопрос «кто виноват?» и сразу перейдём ко второму. Председатель ТСЖ «Хозяин» уверена: ряд достаточно простых шагов мог бы заставить лучше работать недобросовестных представителей ЖКХ и снять ненужные препоны перед добросовестными.

— Первым делом надо отменить запрет проводить плановые проверки предприятий и организаций чаще чем раз в три года. Каждый руководитель должен работать так, чтобы быть готовым к проверке в любую минуту! А как сейчас, с интервалом в три года, — можно такого наворотить!..

Второе — в обязательном порядке везде установить приборы учёта предоставляемых коммунальных ресурсов. Это ж сколько денег в стране уходит, словно вода в песок, в виде всевозможных дотаций и субвенций в этой сфере!

Третье — раздробить гигантские районные управляющие компании. На конкурсной основе поделить Красноярск между средними (от 10 до 50 домов) управляющими организациями. Поквартально — чтобы можно было решать вопросы комплексно и не достались кому-то только новые, а кому-то — только старые дома. Такие компании будут ближе к людям, их легче контролировать.

— **Но в департаменте городского хозяйства постоянно говорят, что небольшие компании не могут содержать достаточное количество специалистов для обслуживания домов...**

— У меня на десять домов — два инженера, три сантехника, два электрика, плюс своя аварийная служба! А что есть у управляющих компаний кроме бухгалтеров и юристов? Непосредственно их дома обслуживают подрядные организации, аварийная служба тоже на подряде и кроме экстренных отключений почти ничем не занимается... А ведь они якобы обслуживают и уж абсолютно точно собирают деньги с десятков и сотен домов!

Я знаю, что бывшие техучастки, которые худо-бедно, но реально обслуживают жильё — голые, оплата за произведённые работы из управляющих компаний до них если и доходит, то с опозданием, и это — крохи. Поэтому четвёртое — деньги должен получать не посредник вроде сегодняшних УК, а именно та компания, которая работает в домах!

Пятое — привести все жилые здания в соответствие с требованиями эксплуатации. У нас в городе любят фасады красить, а мне «по барабану», какого цвета фасад или почтовые ящики в подъездах! Главное, чтобы подвал был сухим, потому что это — судьба и срок жизни дома!

Принимать каждый дом под своё управление только после обследования комиссией, которая должна вынести подробное заключение о состоянии здания, необходимости тех или иных видов ремонта. Ведь на состояние дома влияет не только его возраст, но и проект, по которому он возведён, строительные материалы, из которых он построен, и то, как он эксплуатируется. Некоторые за 5-10 лет «убивают» здание до состояния хуже 50-летней «хрущёвки»...

Шестое — для вновь созданных управляющих организаций необходим координационный или консультационный совет. Он не будет сам собирать деньги с потребителей, не будет вышестоящим административным органом для компаний — он будет их советчиком.

Чем дольше я разговаривал с Людмилой Васькиной, тем больше утверждался во мнении, что противопоставлять товарищества собственников жилья управляющим компаниям или создавать муниципальную компанию в пику частным по большому счёту не имеет смысла. Не бывает принципиально плохих или принципиально хороших форм управления многоквартирными домами — всё зависит от людей, которые занимаются этим управлением.

Невольной вспомнилась шофёрская присказка, которая наверняка понравилась бы Людмиле Петровне: «Дело было не в бобине — идиот сидел в кабине!». Не знаю, у кого там как в кабине, а за столом председателя ТСЖ «Хозяин» я увидел настоящую Хозяйку.

Андрей КУЗНЕЦОВ

ОДИНОКИЙ ВОИН

В нашем городе жил святой. Надо сказать, что вниманием этот факт не обойдён: святителю Луке поставлен памятник в центре Красноярска, его имя — В.Ф. Войно-Ясенецкого — носит Красноярский медуниверситет, в местных изданиях выходили дневники святителя, автобиография. Но к личности этого удивительного епископа и хирурга, репрессированного и сосланного на самый север края, потом — получившего Сталинскую премию и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», потом — причисленного к лику святых, интерес растёт во всём мире. В Саратове, например, при медицинском университете действует студенческий центр имени св. Луки, есть храм его имени. На Афоне пишут его иконы — и эти иконы мироточат и исцеляют.

И вот выяснилось, что святителя Луку можно ещё более «привязать» к Красноярску: сохранился дом, где во время войны он жил, работая в госпитале. Естественно, родилась идея сделать в здании музей — самого ли святителя, всех ли мучеников, оказавшихся в годы гонений в нашем суровом краю, того подвига, который совершали сибиряки во время войны... В любой из этих тем имя св. Луки будет актуально. К тому же здание и без того имеет статус исторического памятника и требует охраны. Но всё оказалось не так просто.

В октябре у дома по ул. Вейнбаума, 21 (перекресток с улицей Ленина), где жил святитель Лука появился одинокий пикетчик, сразу привлёкший внимание горожан. Его имя — Борис Хейнович ЛЕЕТ. Что заставило красноярского пенсионера вот уже не одну неделю стоять на улице с плакатом?

— Борис Хейнович, чем вам близок святитель Лука?

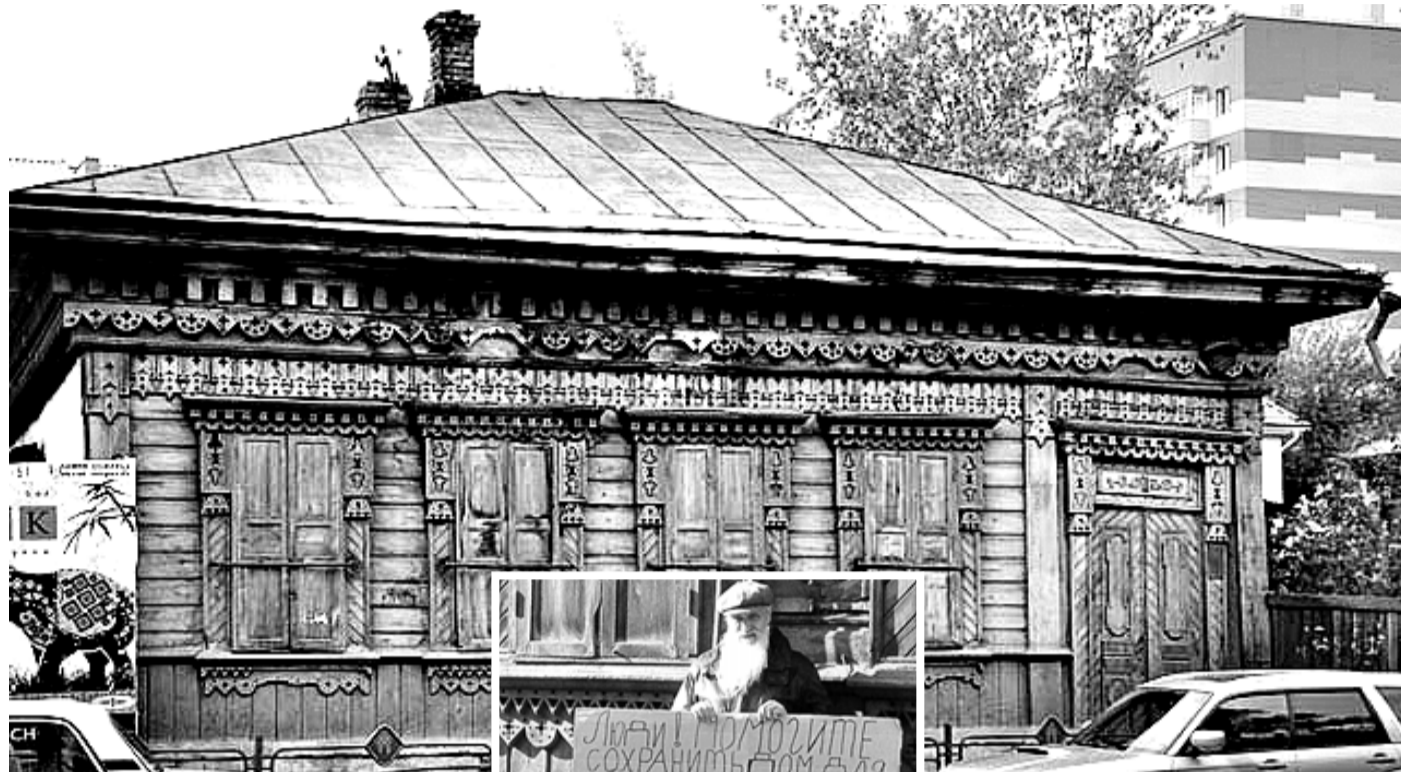
— Св. Лука прошёл тюрьмы, лагеря, а эта изнанка общества хорошо мне знакома. Он и на памятнике изображён в накинутаю тюремной телогрейке. Св. Лука никогда не гнался за богатством, славой, за властью, исполнял свой христианский долг, как понимал, был непробиваемый. Для меня он — пример стойкости, силы духа.

— Насколько значимо для вас сохранение дома, где жил и принимал верующих в Красноярске св. Лука?

— Сейчас я понимаю, что сохранение дома, где жил св. Лука, — это для меня самая важная из забот, которым я посвящал себя последнее десятилетие.

— Давно вы прониклись желанием сохранить память о Войно-Ясенецком?

— Про св. Луку слышал давно. Про дом узнал случайно. Моя знакомая архитектор Екатерина Васильевна ГЕВЕЛЬ позвала на круглый стол, посвящённый сохранению старинных красноярских зданий. Это был апрель нынешнего года. Я пришёл, сел в створке, стал слушать. Был уставшим, помню, клонило ко сну. И вдруг заговорили про дом ПОТЕХИНА, где, как я впервые узнал, жил святитель Лука



у доктора Сусанны Степановны ПОТЪЛИЦЫНОЙ. Я стал слушать внимательно. Узнал, что дом уже поджигали в 2008 г., что не один год ведётся переписка с властями о его реставрации, но безрезультатно.

Чуть позже на другом круглом столе, куда я уже целенаправленно пошёл, выяснил для себя, что в 2011 г. Законодательным Собранием края дом был отнесён к памятникам культурного наследия, что общественниками было принято обращение к депутатам и чиновникам о необходимости диалога с нынешними владельцами дома с тем, чтобы создать на усадьбе епархиальный музей св. Луки под патронажем краевой власти. Кстати, дом Потехина, где жил св. Лука, предлагалось рассматривать как составляющую казачьего старинного квартала, то есть своеобразной музейной композиции, так как рядом с домом Потехина дома ЮШКОВА, АБАЛАКОВЫХ, другие деревянные строения, в которых жили казаки — родоначальники известных в городе фамилий.

— Из ваших слов следует, что вопрос создания музея как-то решается. Зачем же вы пошли на такую крайнюю меру, как пикетирование?

— Реальное продвижение в решении вопроса отсутствует. Дом стоит с частично сгоревшей крышей, о состоянии внутри можно только догадываться. Большинство горожан ничего не знают про дом, хотя о святителе Луке многие слышали. Я во время пикета беседовал с сотнями красноярцев, они от меня впервые слышали, что в этом доме жил св. Лука. Это благоприятная почва для бездействия властей и активности криминала. У нас в городе уже сгорело несколько старинных домов. Нет наследия — нет проблемы! Кроме того, даже на общественных слушаниях не все выступали за меры по спасению дома. Один из богатых местных строителей в открытую заявил: «А зачем нужна эта рухлядь?». Не захотел услышать, кто был св. Лука — учёный и практик, чьи труды до сих пор ценны для медицины, настоящий святой в близком для нас времени, делами подтверждающий христианские истины в такие годы, когда священников просто уничтожали. И таких прагматичных «новых русских» немало.

— А что делает по защите своего наследия краевое министерство культуры?

— Я туда писал, мне ответили, что у них нет специалистов, и министерство даже не может узнать, кто нынешний хозяин дома.

Я пошёл в Росрегистрацию, официально заплатил 250 рублей, и мне через 3 дня дали документ, где написано, кто владелец дома и как давно владеет. Вот вам и министерство культуры! Да они должны в первую очередь биться за дом, за создание в нём музея, холить его и нежить, чтобы было на чём воспитывать будущие поколения красноярцев. На чём они собираются воспитывать? На истории тех личностей, в честь кого названы улицы, окружающие дом — Ленина, Вейнбаума, Ады Лебедевой, Перенсона, Марковского? То есть убиёц многих тысяч россиян, тысяч красноярцев!

— А что же представители медицины? Красноярскому медицинскому университету не так давно отмечалось 70 лет. То есть он был основан как раз в те годы, когда в нашем городе профессор проводил свои уникальные операции. Не знаю, принимал ли он участие в открытии университета, но на этот момент Войно-Ясенецкий был консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталей в Красноярске. У профессора были блестящие результаты лечения сложнейших инфекционных ранений суставов, он спас от смерти или ампутации тысячи раненых. В ноябре 1944 года были переизданы признанные в медицинских кругах «Очерки гнойной хирургии», материалом для переработки которых, по всей видимости, послужила именно огромная практика операций в красноярский период врачевания св. Луки. Ему приходится уделять много времени и обучению медицинского персонала. То есть его деятельность настолько значима для традиций университета, да и для всей медицины сибирского региона, что любая память о хирурге должна быть предметом пристального внимания медицинских работников.

— Ничего не могу сказать по по-

воду медицинских работников. Не слышал, и чтобы кто-то выступал из медиков на тех общественных слушаниях, где я присутствовал.

— Про поддержку православными тоже сложно сказать?

— Поддержка православными не вызывает сомнений. Кроме того, я получил благословение на проведение пикета от Владыки Пантелеимона.

Но хотел бы подчеркнуть, что масштаб личности св. Луки можно назвать надконфессиональным. Это связано, конечно, с его врачебной деятельностью — он спасал всех людей, для всех был духовным ориентиром, всей своей жизнью утверждал нравственные начала, близкие любым здоровым силам общества. Я разговаривал с представителями лютеранской, католической церкви, буддизма, иудаизма. То же самое касается представителей политических партий, общественных формирований, например, мной глубоко уважаемого общества «Мемориал».

— Это были специальные встречи или разговоры во время пикета?

— Специальные встречи. Специально ходил на недавний Русский марш, попросил слова и сказал о проблеме с домом св. Луки, специально ходил на одну из телевизионных программ и тоже попросил слова.

— А как реагируют люди, которые видят вас с плакатом в самом центре города?

— Некоторые прямо из машин спрашивают, почему стою. Но многие, проезжая мимо, так и не успевают понять, зачем я здесь. В середине октября приехал местный телеканал СТС-Прима, показал сюжет в новостях. Так мне телевизионщики сказали, что это сами зрители побудили их приехать и взять интервью — оказывается, стали поступать настойчивые звонки с вопросом: «Почему дед стоит, что отстаивает, чего хочет?».

— А пешеходы?

— Многие подходят и спрашивают: «Что нужно делать, как помочь?». Даже деньги предлагают.

— Так как помочь? Что делать?

— Я раздаю листовочки, где написано решение круглого стола о необходимости создания музея. Там же ссылка на страничку в социальной сети «В Контакте» (vk.com/lukakrasnoyarsk) под названием «В память о св. Луке (хирурге Войно-Ясенецком)». Чем помочь? Можно выйти и поддержать хотя бы на сай-

Именами полярных лётчиков

те, вступить в группу, чтобы осталась контактная информация, популяризировать в сети Интернет. Надо искать сторонников, объединять их, действовать сообща и заставлять власть принимать решения. Что ещё делать — открытый вопрос. У меня тоже нет на всё готовых решений.

Понятно, что пока деньги не нужны, но если дойдёт дело до реставрации, то они понадобятся, надо будет создавать фонд. Может быть, и не следует ограничиваться только домом св. Луки, обращать внимание на все исторические деревянные постройки. Может, стоит говорить не только о Красноярске, но и о Енисейске, где также жил св. Лука. Там, говорят, дом в лучшем состоянии. Здесь же его уже поджигали.

— Как в других городах хранят память о Войно-Ясенецком?

— Храмы имени св. Луки есть во многих городах, например, в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Симферополе, где находятся мощи святого. Ведь св. Лука причислен к лику святых Русской Православной Церкви.

— Как вы представляете себе музей св. Луки?

— Прежде всего как место, куда можно прийти и в воссозданной по воспоминаниям В.М. БАРУТКИНА (сына С. Потылицыной, которого тоже спас епископ Лука) обстановке увидеть фотографии св. Луки, послушать его голос (на диске — привезли из Симферополя), его проповеди. Ведь сохранились фонограммы с выступлениями проповедника! В музее должны быть собраны воспоминания людей, вещи.

— Вы думаете, что-то можно собрать?

— Конечно! Один из внуков св. Луки — известный учёный и политик, председатель одного из экспертных советов Государственной думы — очень плотно занимается сохранением наследия деда, является президентом Фонда его имени. Знаю, что ещё недавно была жива женщина, которая работала со св. Лукой в Красноярске. Не знаю, жива ли сейчас. Если заняться, уверен, можно создать хорошую экспозицию. Кроме того, в доме можно было бы проводить регулярные мероприятия по примеру студенческого центра в Саратове.

Максим КОЧЕТКОВ

Архитектор Е.В. ГЕВЕЛЬ: «На круглом столе, прошедшем в мае, увлекательно рассказывала Светлана Прокофьевна РОСТОМАШВИЛИ, научный сотрудник музея Туруханска, о трудовом подвиге великого хирурга в Туруханске, куда он был отправлен из Енисейска. Он много оперировал тунгусов. Валентин Феликсович не различал пациентов по званиям и заслугам и в первую очередь принимал трудных больных из далёких стойбищ, а потом уже энквэдэшников, за что и был сослан ещё дальше — в Плахино. Тогда тунгусы устроили в Туруханске настоящий бунт, и испугавшиеся власти вернули святителя и наблюдали такое почитание доктора, когда перед ним выкладывались ковры, чтобы ступал не по снегу в мороз...»

У редакции СФ нет всех исходных данных, чтобы однозначно оценить ситуацию как критическую. Мы уверены, что сохранение дома Потехина и создание музея св. Луки безразлично многим красноярцам, в том числе и сотрудникам министерства культуры Красноярского края. Обязательно опубликуем официальные комментарии и будем следить за развитием ситуации.

Датой образования Красноярской авиации принято считать 1934 год, когда в нашем городе был создан полноценный авиационный комплекс с аэропортом, обслуживаемыми и ремонтными организациями. Поскольку по краю не было сухопутных аэродромов, для полётов на Север использовались гидросамолёты, у которых летним шасси были поплавки, зимним — лыжи. Взлётной и посадочной полосой для летающих лодок служила Абаканская протока Енисея, считающаяся гидроаэродромом.

В январе 1934 г. на острове Телячьем (в 1935 г. переименован в остров Молокова в честь одного из первых Героев Советского Союза — спасателя «челюскинцев», линейного пилота Енисейской авиалинии Василия Сергеевича МОЛОКОВА) ударными темпами начала строиться главная гидроавиабазы. В деле освоения Северного морского пути её строительству придавалось большое значение. Полярные лётчики вообще считали Красноярск «воротами Крайнего Севера». За 1934-1935 гг. были построены ангар, бетонные гидроспуски, два плоты-причала для приводнения гидросамолётов, складские помещения. В двухэтажном бревенчатом доме с верандой на первом этаже разместились: радиорубка, диспетчерская, служебные помещения, на втором — уютная гостиница для лётного состава.

В нашем городе кое-что ещё напоминает о тех годах становления Красноярской авиации, которой в 2014 году будет отмечаться 80 лет. Сохранилось практически в первоначальном виде здание управления гидроавиабазы на о. Молокова, правда почему-то в лихие 90-е оно стало из государственного чьей-то частной собственностью, и сейчас в историческое здание зайти невозможно. Здания бывших авиаремонтных мастерских теперь развалины и объект для пейнтбола. Территория уникального авиаремонтного завода имени

Побежимова — жилой микрорайон «Южный берег». О том, что Абаканская протока — бывший гидроаэродром полярной авиации 30-40-х годов, известно немногим. Уходит время — уходит история. А в начале улицы Взлётной до сих пор стоит «наследство» от Красноярского аэропорта — заброшенное здание ангара, где ремонтировали самолёты.

Есть и реальное увековечивание памяти. Улицы микрорайонов Взлётка и Северный (бывшая территория аэродрома) носят имена знаменитых полярных лётчиков В.С. Молокова, А.Д. АЛЕКСЕЕВА, М.В. ВОДОПЬЯНОВА. На правом берегу Енисея есть улица имени их соратника — лучшего бортмеханика полярной авиации Г.Т. ПОБЕЖИМОВА.

На улице Молокова разбит сквер и силами строительной компании «Омега» установлена оригинального решения стела памяти этого легендарного лётчика. Не могу не съезвить — стела появилась значительно позже смятой «десятирублёвки», увековеченной силами и средствами Сбербанка на той же улице. Не спорю, «десятка» — интересный по-своему арт-объект, но как-то не всё у нас правильно с приоритетами...

В нынешнем 2013 году по инициативе редакции газеты «Городские новости» вышла очень хорошая книга «Город имён» — о людях, чьиими именами названы улицы города Красноярска. Конечно, 2000 экземпляров для миллионного города — капля в море, но и это в радость.

Так вот предлагаю своеобразное продолжение хорошего дела: установить мемориальные доски на именных улицах с информацией о людях, в чью честь улицы названы.

В 2005 году при моральной, административной и финансовой поддержке тогдашних заместителей генерального директора авиакомпании «КрасЭйр» Владимира Абрамовича СВЕРСКОГО и Владислава Борисовича ВЫЧУЖАНИНА был задуман хороший проект: отметить мемо-

риальными досками улицы бывших лётчиков. И первая памятная доска появилась на улице Молокова. Следующими должны были стать улицы Батурина, Водопьянова, Алексеева и Побежимова. Но, к сожалению, этот проект «умер» вместе с авиакомпанией. Очень хотелось бы претворить его всё-таки в жизнь, особенно в преддверии 80-летнего юбилея!

На проспект Авиаторов «проситесь» мемориальная доска с групповым портретом первопроходцев воздушных линий края — В.Л. ГАЛЫШЕВА, Я.С. ЛИППА, Ф.И. ГРОШЕВА и С.К. ФРУТЕЦКОГО. Вот бы руководители Управления авиации МЧС, чей штаб расположен на проспекте Авиаторов, сделали благое дело!

Наименование новых улиц — отдельная «песня». Когда в 2005 году я обратился в комиссию администрации города с предложением назвать одну из новых улиц в Советском («авиационном») районе именем самого известного красноярского пилота-первопроходца 30-40-х годов Яна Степановича Липпа, чиновник ответил: «Липп... Фамилия какая-то неблагозвучная» (видимо, какая-нибудь 10-я Продольная лучше будет).

Ну и последнее: вышеупомянутый заброшенный ангар на улице Взлётной при большом желании властей и вложении финансовых средств мог бы стать большой ИЗЮМИНКОЙ нашего города, если в нём создать «Музей авиации Красноярского края». Не ведомственный, который «умирал» вместе с ведомством не единожды и опять «умер» вместе с авиакомпанией «КрасЭйр», а городской или краевой. Нам есть чем гордиться! Наш город — родоначальник полярной авиации, освоения Севера, в годы Великой Отечественной войны — центр секретнейшей перегонной Красноярской воздушной трассы («Аляска — Сибирь»), и он просто должен иметь такое тематическое УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ. Более чем уверен, что «не зарастёт к нему народная тропа» и не стыдно будет хвастать таким музеем перед гостями города. А проектом вполне могла бы заняться молодая поросль — студенты-архитекторы СФУ. Им жить дальше и им виднее, как это должно выглядеть.

Вячеслав ФИЛИПОВ



После высадки станции «Северный полюс-1», Водопьянов, Алексеев, Мазурук, Молоков



Я. Липп



Г. Побежимов

Город будущего в настоящем

Тема проектирования городов будущего всегда присутствовала в истории человеческой мысли. Если в античности философы рассуждали о концепции идеального города, то в XX веке архитекторы начали создавать реальные проекты будущих городов, в наибольшей степени отвечающих запросам современной жизни. Так, например, Ле КОРБЮЗЬЕ ввёл рациональную типовую многоквартирную застройку, Фрэнк Ллойд РАЙТ создал тип дома, гармонично встроеного в природную среду, а конструктивист Владимир ТАТЛИН планировал синтезировать человеческое и машинное в городе будущего.

Для современного города с бесконечными пробками, болезнетворной экологией и тюремноподобными квартирами мечты об альтернативных вариантах жизни или депрессивное прогнозирование результатов нарастающих проблем также актуальны. Но что толку просто описывать будущее городов словами, если искусство даёт возможность взглянуть на то, что ждёт нас в ближайшие годы или заглянуть в те времена, которые мы вряд ли застанем! Причём скульптура скорее представляет квинтэссенцию современного положения вещей, компьютерная графика нагнетает драму городской жизни, а вот архитектура пытается найти реальные решения актуальных проблем. И так...

Виртуальная машинерия пластики

Отправной точкой для создания скульптурных городов будущего становится правильный подбор материала. Ведь не будешь же из девственно экологичного дерева или известной со времён творения Адама глины создавать неизвестное, но явно техногенное будущее?

В 2005 году японский скульптор Чу ЭНОКИ составил мегаполис под названием «RPM-1200» из металлических свёрл, автомобильных деталей, стальных отходов, проводов и прочего металлолома, который был найден на заброшенной фабрике неподалёку от выставочного пространства, отполирован и пущен художником во вторичное использование. Согласно предварительным рисункам, весь металлолом как будто поднимался кверху большим магнитом и выстал в игольчатую поверхность из сверкающих башенок. RPM-1200 экспонировался в затемнённом помещении, где свет падал только на макет, отбрасывая тень футуристического городского ландшафта на стену. По мнению критиков, сия конструкция представляет собой оду промышленности и металлу — двигателю городского развития, но нельзя не отметить и антиутопический концепт произведения, где среди стального леса явно отсутствует подходящее измерение для жизни человека, а название намекает на замятинскую нумерологию.

Другой вариант видения города будущего в скульптуре вновь привлекает актуальные материалы — на этот раз компьютерные микросхемы, из которых, оказывается, можно собрать



↑ Чу ЭНОКИ, мегаполис под названием «RPM-1200»



↑ Франко РЕККЬЯ



↑ Прототип цилиндрической колонии на Луне



↑ Даниэль Доцу



↑ Цветан Тошков, город в небе



↓ Водоскрёб

неплохой город или урбанистический пейзаж. Итальянский скульптор Франко РЕККЬЯ, выступая апологетом современной виртуальной цивилизации, моделирует города будущего, разбирая на части компьютерные блоки. И хотя в его работах зачастую представлены вполне существующие города (например, районы Нью-Йорка) или абстрактные метрополисы, утыканные высотками, всё же его концепция отсылает к городу будущего, жизнь в котором полностью переместится в медийное измерение.

Над облаками и на дне

Рисуют футуристические города обычно в прикладных целях — создание фантастического мира для компьютерных игр, действие которых происходит в будущем. Поэтому и здесь для того, чтобы заглянуть на несколько столетий вперёд, используются современные технологии — компьютерная графика. Отрисованные маслом по холсту города будущего редко можно встретить. Причём авторы этих рисунков — зачастую анонимные гейм-дизайнеры или двинутые по этой теме блогеры. Никакого восхваления технического прогресса и виртуального мира в подобных изображениях обычно не встретишь: рисованные картинкой скорее представляют мир антиутопии, где техногенная цивилизация агрессивно загнала человека в металлические клетки. Например, рисунок, на котором окна высоких домов превращены в пчелиные соты, а человек в этой системе полностью потерян на фоне бетонных гигантов и сам воспринимается как пчёлка, вечно своим трудом обеспечивающая жизнь улья.

Понимать город как жестокое существо, злобно настроенное по отношению к человеку, начали ещё в живописи и кинематографе немецкого экспрессионизма. Так, в «Метрополисе» Фрица ЛАНГА город полярно разделён на верхи и низы: элитарные небоскрёбы, на крышах которых сохранились островки зелени, принадлежат властным богатым, а в городском подземелье, как роботы, вкалывают простые люди.

Подобный крайний дуализм сохраняется и в современных графических рисунках города грядущего: от тотального смога и техногенного мусорного слоя городского дна вершины небоскрёбов прячутся за облаками. Здания подчинены явно зловещей иерархии: самые высокие башни на фоне дымчатой мглы городской антиутопии выглядят как вознесённые над Мордором око Саурана. В центре футуристических мегаполисов расположились громадные купольные сооружения, навевающие ассоциации с механической утробой, которую и пытаются прокормить окружающие дома-муравьи, оставшиеся на дне. А одним из ключевых элементов городской застройки выступает мощная стена, которая как будто защищает металло-бетонного монстра от возможного человеческого сопротивления.

Иногда в городском ландшафте сохраняются огромные рекламные баннеры, продвигающие бренды будущего (или актуальную и для тех времён кока-колу). Но в ситуации полного отсутствия человека эти рекламные сообщения выглядят абсурдно, словно предназначенные для самих себя. Или на рекламные щиты художники помещают слоганы, ёмко отражающие депрессивное настроение человека, живущего в подобном городе (типа «Меня никто не любит»).

Ещё одна характерная тема в изображении города будущего — транспортные потоки. Решение транспортного коллапса современности хорошо знакомо нам по фантастическому кино вроде «Пятого элемента»: конечно, машины обязательно подняты в воздух, а движение метропоездов по рельсам у корней зданий выглядит как анахронизм для нищих.

Часто футуристические городские пейзажи сопровождаются и прогнозом трансформации небесных светил: солнце может нездорово гореть термоядерным светом, на небе одновременно может присутствовать несколько светил... Это даже не две луны, как у МУРАКАМИ, а сочетание нескольких лун, солнц и других подлетевших к Земле к этому времени соседних планет.

Среди анонимных создателей грядущих урбанистических драм иногда встречаются и имена компьютерных художников. Например, Даниэль ДООЦУ как раз рисует фантастические фоны будущего для видеоигр. В его рисунках механика города образует синтез с мощными природными ландшафтами (айсбергами, горами, котлованами), средневековой готической архитектурой и персонажами жанра фэнтези, складываясь в картины в духе футуристического романтизма. У него можно встретить воображаемые техногенные замки, встроенные в искусственные пещеры горных хребтов. Замки, за счёт железных стяжек парящие в воздухе. Или города, упрятанные в драконоподобные сооружения, нависшие над адскими котлованами. В данном случае мы сталкиваемся с воображаемым будущим, когда современный человек со всеми своими мощными и прогрессивными технологиями вдруг снова возвращается в эпоху Средневековья — по разным причинам.

Но в целом все графические изображения городов будущего плетутся где-то далеко позади огромного строя киноиндустрии, которая гораздо разнообразнее и быстрее осваивает драматичную и жёсткую урбанистическую фактуру будущего.

В погоне за чистым воздухом, или Новый Вавилон

В отличие от скульптуры и графики, архитектура и не восторгается техногенным процессом, и не рисует пессимистичные прогнозы, а вполне рационально пытается решить грядущие проблемы или создаёт альтернативные концепции городов.

Понятно, что архитектура будущего — проектная и бумажная: практически ни один фантастический проект, будь он хоть миллион раз реалистичным с точки зрения инвесторного решения, не находит инвесторов. За редким исключением: в инновационные города вкладываются богатые Арабские Эмираты, а также активно развивающаяся Южная Корея. Города нового типа сегодня не принято встраивать в уже сформировавшиеся полисы, а принято начинать с «чистого листа».

Так, поблизости от столицы Арабских Эмиратов Абу-Даби в пустыне начато строительство города Масдар, который должен стать примером самого экологически чистого города на Земле. Город упрятан под огромную крышу, которая является солнечной батареей и будет обеспечивать энергией жителей. Весь транспорт укрыт под землей, и это преимущественно электропоезда; машины запрещены за исключением специально раз-



↑ Винсент Каллебо, Liliypad у берегов Монако



↑ Ходячий город



↑ Масдар

работанных для данного поселения электромобилей. Город рассчитан примерно на 50 000 жителей. Основная деятельность в городе — научно-исследовательская, и, конечно, она будет касаться разработки новых альтернативных безвредных и экологических источников энергии.

В Южной Корее уже практически завершено строительство «умного» города Сонгдо. Город с нуля построен на осушенном болоте. Состоит из небоскрёбов, в которых квартиры одновременно являются офисами. Виртуальные технологии позволяют, не выходя из дома, общаться и подписывать разные бумаги с коллегами по бизнесу во всех точках мира. Проблема пробок истреблена на начальной стадии строительства — офисный и жилой центры города расположены друг от друга в зоне пятнадцатиминутной прогулки по зелёным аллеям, а общественный транспорт удобен практически как такси. Специальные мусорные баки засасывают отходы в подземелья, сортируют его, и грязь вообще не является проблемой для города. На данный момент Сонгдо только построен и практически пуст, его населяют первые рискнувшие изменить жизнь бизнесмены и местные жители, которых переселили из их аграрных деревянных лачуг в мир высоких технологий, а они по привычке разбили у небоскрёбов грядки и продолжают выращивать там полюбившуюся им редиску для ким-чи.

Другие архитектурные концепции существуют пока только в качестве

проектов. Целая серия футуристических городов представляет собой попытку решить экологические проблемы современности или вернуть живущему в загазованном мире человеку возможность подышать воздухом и помедитировать на природе.

Бельгийский архитектор Люк ШЬЮТЕН разработал концепцию под названием «Растительный город». Автор видит город будущего как огромную оранжерею: улицы, балконы и крыши домов засажены деревьями и растительностью. Даже машины и самолёты имеют растительные организмы, а одежда человека подобна цветочным лепесткам.

На растительные формы опираются и проекты других архитекторов. Британец Цветан ТОШКОВ предложил концепцию «Город в небесах», которая представляет собой дополнение к современному мегаполису, где некуда спрятаться от суеты и смога. Заоблачно высокие небоскрёбы-лотосы, наверху которых разбиты сады, должны возвышаться над каждым крупным городом, чтобы дать возможность горожанину вознестись над мирской суетой, порелаксировать, насладиться недоступной природой. Мотив медитации не случаен, так как за основу взят буддийский цветок — лотос, который славен тем, что, рождаясь в мутном и грязном болоте, распускается на поверхности белоснежно чистым. Так и «Город в небесах» должен позволить человеку сохранить в шумном городе невозможное спокойствие.

Другое растение, взятое за основу города будущего уже бельгийским архитектором Винсентом КАЛЛЕБО, — водная лилия. Он предложил делать плавающие города, где люди будут спасаться от экологических проблем мегаполисов. На лилиях предполагается вести фермерское хозяйство, а в центре будут располагаться бассейны для сбора дождевой воды.

Вообще проектов плавающих городов разрабатывается огромное количество. По аналогии с небоскрёбами их даже именуют водоскрёбами или океаноскрёбами. И жизнь в подобном городе — не просто возможность для человека уйти в открытое плавание. Это, опять-таки, решение экологической проблемы. Известно, что где-то в океане скопились огромные кучи мусора. Так вот города предлагают создавать прямо на этих отходах: одна часть водоскрёба будет уходить глубоко под воду, и там будут размещены заводы по переработке мусора, а надводная часть будет обеспечена энергией за счёт такой переработки.

Футуристические проекты городов экспериментируют и с архитектурными формами или концепциями самого существования города. Так, в 1964 году британский архитектор Рон ХЕРРОН предложил проект «Ходячий город», который, как гусеничный трактор, мог бы передвигаться по Земле. Судя по рисункам, это проект этакого хищного города, передвигающегося в поисках новых источников энергии, питания и т.п. Недаром эта концепция была использована в фантастическом фильме «Джон Картер», где город Зоданга в условиях опасной пустыни на другой планете, видимо, не мог выживать другими способами.

Есть ряд проектов, решающих проблемы совсем уж далёкого будущего — например, город кратеров. В случае если на Землю упадёт огромное количество астероидов и пробьёт в ней дыры, в кратерах предлагается создать фабрики, а на дне установить огромные прожекторы, которые можно будет использовать для освещения городов.

Другое футуристическое решение, ориентированное на покорение человеком космоса, предложено американским физиком Джерардом О'НИЛЛОМ — это космические колонии в цилиндрических трубах со своей атмосферой и гравитацией, где можно будет разбить фермерские хозяйства и выращивать картошку.

А некоторые проекты откровенно пугают своими библейскими аллюзиями с Вавилонской башней. В Японии, например, предполагается создать небоскрёб-город, рассчитанный примерно на 40000 жителей. Это самодостаточное сооружение под названием X-seed 4000 будет располагаться на воде, вмещать в себя заводы, офисы и жилые помещения. Внешним видом город будет походить на гору Фудзи, только значительно выше.

Завершая обзор, стоит обратить внимание на то, что проектированием городов будущего занимаются такие страны, как Южная Корея, Арабские Эмираты, США, Голландия. В России подобные футуристические проекты практически не встретишь. Видимо, со времён покорения космоса мечтать о чём-то грандиозном уже не в моде. В результате даже облик Москвы не близок к представлениям о городе будущего. Что уж говорить о Красноярске.

Александра СЕМЁНОВА

Наше место под солнцем

100 городов России

Интегральный рейтинг (2012 г.)

Рейтинг составлен Петербургским институтом территориального планирования «Урбаника» совместно с Союзом архитекторов России. Основным критерием оценки городов стало *соотношение качества городской среды и стоимости жизни*. При составлении рейтинга авторы учитывали обеспеченность жителей города жильём, загруженность транспортной системы, наличие современных форматов потребления, уровень преступности и многие другие факторы.



Наиболее чистые города России

Рейтинг справочного сервиса 2ГИС (2012 г.)

В компании подсчитали организации, которые занимаются вывозом снега и мусора в городах с населением более 500 тыс. человек. Мы вошли в «пятёрку»



10 лучших туристических направлений по России

Рейтинг сайта путешественников TripAdvisor (2012 г.)

- 1 место Санкт-Петербург
- 2 место Москва
- 3 место Казань
- 4 место Екатеринбург
- 5 место Калининград
- 6 место Нижний Новгород
- 7 место Самара
- 8 место Красноярск
- 9 место Иркутск
- 10 место Сочи

Худшие города по выбросам в атмосферу

Данные специалистов Росстата (2012 г.)

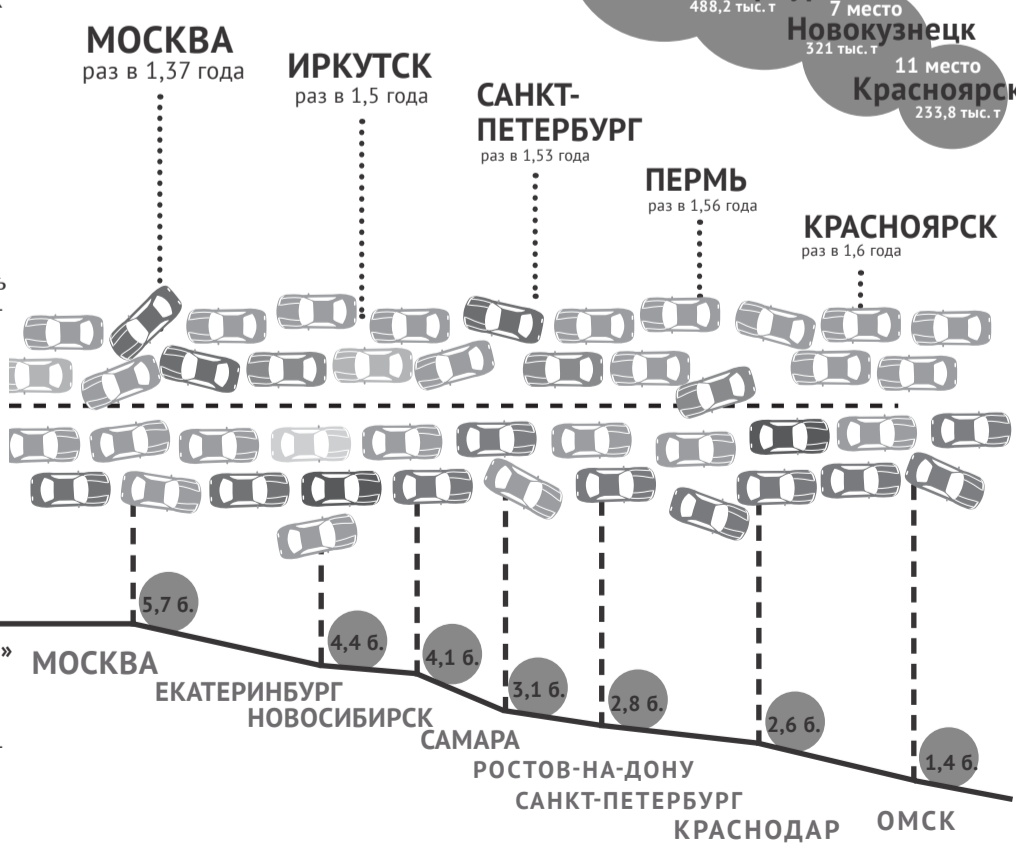
Статистика базируется на данных по выбросам загрязняющих атмосферу веществ стационарными источниками и автомобильным транспортом.



Аварийные города России

Рейтинг специалистов СК «АльфаСтрахование» (август 2013 г.)

Статистика базируется на частоте ДТП, в которые попадали клиенты компании. Согласно данным исследования, самые осторожные водители живут в Белгороде. Здесь вероятность стать участником ДТП меньше в два раза, чем в среднем по России, и составляет 3,62 года. Затем идут Ростов-на-Дону и Ставрополь — 3 и 2,83 года.



Самые сильные «пробки»

Данные «Яндекс. Пробки» (сентябрь-октябрь, 2013 г.), среднесуточно

Хотя Красноярск не вошёл в этот рейтинг, если вы посмотрите на его позиции в час пик — то это пять баллов и выше.